

ЛОКАЛИЗАЦИЯ

(Книга I романа «Место и время»)

Мария Кугель

Это была эпоха, когда мысли абсолютно у всех кружились вокруг отъезда. Кто-то уехал из своей страны и не мог прижиться на новом месте, кто-то десятилетиями мечтал и не мог уехать. Кто-то бежал за чем-то, кто-то от чего-то, кто-то от себя, и иногда эти причины трудно было отделить одну от другой. Разнообразные юридические основания и статусы, разлученные семьи, покинутые гнезда, родные могилы на чужбине, радужные надежды, жестокие разочарования и возвращения ни с чем. Неприкаянность.

Часть I - географическая

Ия поняла, что ее сегодняшняя миссия выполнена. Это случилось посреди дня далеко от отеля. Ия сидела в раменной, подвернувшейся ей через пару шагов от последнего адреса. Тарелка, в которой ей час назад принесли рамен, стояла пустой, чай в серой глиняной пиале остыл, нетбук настойчиво требовал подзарядки. Ия не могла решить, каким из трех возможных способов, предлагаемых Гуглом, ей следует добираться до отеля на общественном транспорте. Два из них предполагали две пересадки, третий – получасовое ожидание автобуса. Проблема выбора состояла в том, что цель уже не имела значения. Ее мозг отказывался обрабатывать информацию, несущую слабую прагматическую нагрузку.

На мониторе всплыло окно фейсбук-чата. Писал френд из другого полушария. Дважды другого. Полный антипод. Год назад Ия, повинаясь порыву, подтвердила запрос незнакомца о дружбе. Он смутил ее вопросом, которого Ия не ждала от мужчины, бродящего по аккаунтам иностранок в надежде на флирт: удовлетворяет ли ее повседневное течение ее жизни. Его, в целом, удовлетворяло. Он преподавал испанскую словесность в колледже и писал фантастические романы. Их пока не публиковали.

Жизнь Ии в тот момент была далека от повседневности. Она расследовала гигантскую налоговую карусель в Словакии. В Словакии Ия никогда не бывала. Зато там жил ее земляк,

известный в прошлом на родине бизнесмен. Десять лет назад он закрыл туристическую фирму в родном городе и исчез с радаров местной прессы. А спустя два года снял номер в венском отеле напротив фирмы, торгующей инвестиционным золотом и принадлежащей австрийскому казначейству, и стал носить через дорогу спортивную сумку, набитую слитками и монетами, - из офиса фирмы в свой номер и обратно, - изображая экспортно-импортные операции. Эта картина, которую живописал в позапрошлом году партнер золототорговца в подробных показаниях следователю, каким-то неведомым Ии путем попавших в редакцию братиславской газеты, воспламенила ее воображение.

В момент, когда Ию настиг вопрос антипода, она намеревалась набрать номер удачливого золотаря и задать, в свою очередь, ему вопрос, на который, она прекрасно знала, тот отвечать не захочет и который вряд ли будет рад слышать. Возможно, ему уже сообщили, что она искала его номер, и собрался дать отпор. Содержание ответа интересовало Ию мало, но нужно было спросить, и она, внутренне сжавшись, готовилась принять волну гнева с той стороны телефонной трубки. Это была неприятная часть работы.

Довольна ли Ия повседневным течением жизни? Это вопрос о какой-то другой, не ее жизни. О жизни красивого бородатого мужчины почти на десять лет моложе нее, заказывающего пиццу на дом, горюющего о друге, который умирал в больнице от рака мозга, и предвкушающего приезд четырехлетней дочки, которую бывшая жена собиралась привезти в вечер пятницы, как это у них заведено, на весь уикэнд. Улицы его родного города насквозь продувает трамонтана. Ветер несет вулканическую пыль, от которой серебрится воздух и першит в горле. Дорожает газ, слава богу, у него есть работа.

Однако в последнее время и этот далекий источник умиротворения тоже начал мутнеть. Эктор который месяц отчаянно постил политические демотиваторы. На картинках изображались индейцы-мапуче, страдающие от экспансионизма международной корпорации по производству модной одежды. Потом стали появляться карикатуры на президента, неизменно в виде кота. А пару дней назад в ленте Ии всплыло фото колонны жандармерии, покидающей его родной Неукен, которую он снял, возвращаясь из столицы домой. Сегодня утром, выйдя коротко в Фейсбук, Ия увидела его пост о том, что роман, недавно напечатанный небольшим издательством в Неукене, отмечен литературной премией. Она обрадовалась за него, - и тому, что его, наконец, издали, и из-за награды, - и оставила под постом поздравление.

Сейчас Эктор увидел ее комментарий и вышел в чат. Он спросил: как дела? Ия ответила, что она в командировке. Попыталась представить себе, как выглядят здешние события в его новостях. Написала кратко: «Здесь воюют на северо-востоке, но в столице окей». Он написал: печально. Ия спросила: «А как у вас?» Он ответил: газ подорожал почти наполовину. Ия спросила: почему? Он ответил: «Президент – неолиберал». Ия написала: ужасно.

Ия написала, что ее повесть тоже недавно опубликовали. "Какая хорошая волна! – заметил Эктор и спросил: - Ты все еще спишь одна?» «Да, - ответила Ия, - к чему это праздное любопытство?» «Одному холодно спать, когда дорожает газ, - отшутился он, - может быть, ты мне поможешь найти какую-нибудь русскую писательницу?» «Зачем тебе русская писательница, - написала Ия, - они все чокнутые».

Флирт на языке, на котором Ия писала не слишком бегло, скорее утомлял, чем доставлял удовольствие – она не успевала отвечать на вопросы. Ей нравился профессор словесности. Но вместо того, чтобы наслаждаться игрой, Ия автоматически принялась обдумывать

трансконтинентальную логистику и необходимость искать при встрече взаимопонимания на языке, использование которого вызывало у нее умственное напряжение. Осознав непосильность и бесцельность этого труда, Ия устала окончательно и решила, что флирт бесполезен. Тут кабалеро задал вопрос, который она не смогла сходу понять из-за использования усеченной формы местоимения. Ия подумала, что он мог бы и не усложнять ей задачу, и написала: «Вообще-то, я изучала кастейяно». «Гениально!» - ответил собеседник. Ия не поняла, смеется он или обижен. Упрекать преподавателя испанской филологии в незнании литературного испанского было глупо. Ия смутилась и закрыла нетбук.

За окном темнело. Ия подозвала официанта и попросила счет. Оплатила наличными и потребовала чек. Вместо него официант принес сомнительный листок, не тянущий на платежный документ. Обычай здешних официантов проносить деньги мимо кассы был ей уже знаком, но у нее не хватило сил снова вступать с ним в контакт. Может быть, бухгалтерия учет страновую специфику. Ия вышла из ресторана и махнула рукой такси.

Оставалось сделать всего пару фото в разных частях города. Собственно говоря, командировка являлась заключительным этапом полугодового расследования. Согласно программе-максимум, она должна была попытаться встретиться лично и поговорить с двумя его героями, деятельность которых она пристально изучала до сих пор в интернете. При мысли об этой встрече приветливый южный город казался ей менее уютным, поскольку ее источники предупредили, что люди, на которых Ия собирается выйти, опасны. Насколько опасны, источники объяснить не могли. Готовы ли мошенники пойти на убийство журналиста? Или избить журналиста? Раньше – да, говорили источники, в былые времена эти люди возили в багажниках своих автомобилей контрабандное оружие, отмывали миллионы н’дрангеты в монастырях и чеканили там же нелегальное золото. Им покровительствовали спецслужбы, а телефоны без дисков, стоявшие в их кельях, соединяли их напрямую с высочайшими кабинетами. Теперь все указывало на то, что время их великих свершений вышло. Неопределенность ситуации усугублялась тем, что Ия до сих пор не выяснила, удалась ли нынешняя афера, то есть, имеется ли смысл им рисковать. Все эти месяцы она безуспешно пыталась отследить до конца хотя бы одну подозрительную транзакцию. На всякий случай Ия сняла отель далеко от центра, посреди парка в глубине спального района, и отключила геолокацию в Фейсбуке.

Один из жуликов вышел на нее сам накануне ее приезда в том же Фейсбуке, когда она стала интересоваться его делами среди его ближайшего окружения. Спросил, чем вызван интерес к его скромной особе, но от встречи отказался, заявив, что находится за границей. Со вторым, епископом маленькой поместной церкви, ей удалось поговорить уже в городе по телефону одного религиоведа. Во время интервью тот вместо ответа на щекотливый вопрос с неожиданной готовностью набрал его номер, сказав: «Спросите у него самого». Ия договорилась о встрече. Она должна была произойти в полдень следующего дня, но так и не состоялась: утром от святого отца пришло смс, что погиб его капеллан, ему якобы пришлось выехать в монастырь для погребения, и теперь в течение сорока дней он будет проводить литии и службы. Ни одного упоминания о гибели капеллана на фронте или на гражданке в прессе не появилось.

Итак, Ии оставалась последняя мелочь: сфотографировать два здания, в которых были зарегистрированы ключевые юрлица расследования. Одно из них в Википедии значилось как «Знаменитый дом с беркутами». Пятиэтажный дом в стиле южного модерна располагался на холме, среди густых деревьев, в наиболее старой части города. На фото в интернете его фасад украшали барельефы хищных птичьих профилей. Ия выучила наизусть пешеходный маршрут, предлагаемый Гуглом, несколько раз поднялась на холм и спустилась с него, заглядывала во все

дворы укромных закоулков, потратила на блуждания несколько часов, однако искомого адреса не нашла. Устала, поймала внизу такси, снова несколько раз поднялась на холм и спустилась с него уже на машине, следуя GPS, однако опять тщетно. Темнело, шансы сделать хорошую фотографию таяли с каждым поворотом машины, однако Ия уже из упрямства заставляла таксиста кружить по темным переулкам. Почти на самой вершине холма они увидели единственного припозднившегося прохожего, не отрывавшего взгляда от мерцающего экрана смартфона и боязливо сторонившегося темных тротуаров. Ия и водитель оба вышли из машины и приблизились к нему, издали размахивая руками над головой, чтобы убедить заплутавшего туриста в отсутствии злых намерений. Знает ли он, где находится «дом с беркутами»? Да, конечно, он сам только что оттуда, этот дом отмечен как туристический объект. Мужчина махнул рукой вправо и вверх.

Ия снова села в машину и приготовилась к последнему броску. Автомобиль напоминал о ремне безопасности. Ия спросила у водителя, нужно ли ей пристегнуться. Водитель повернул к ней лицо, освещенное только приборами на панели, и заткнул в паз пряжки ремня безопасности крюк из хромированной проволоки, заставив машину замолчать: «Из Европы приехали?»

Остановились на вершине холма, на стоянке, по правую руку от которой располагался, согласно Гуглу, дом с беркутами. Перед Ией темнело заброшенное двухэтажное здание. Окна были заперты ставнями и поверх них заколочены досками. Массивную древнюю дверь, видно, несколько лет не открывали, между ней и каменным крыльцом проросли тонкие деревца. По краю брандмауэра на фоне послезакатной бледно-голубой полосы, отделявшей горизонт от темно-синего ночного неба, чернели три скульптурных силуэта беркутов. Справа от двери висел жестяной эмалированный указатель номера, похожий на перевернутый дачный рукомыльник с горящим фонарем внутри. Адрес был другой. Ия на всякий случай сфотографировала рукомыльник, беркутов, села в машину и сказала: «Домой». Ехали молча, Ия размышляла, удобно ли попросить водителя зависить сумму счета для бухгалтерии, чтобы покрыть ресторанные потери, но так и не решилась. Остановив машину у входа в отель, он, порывшись в бардачке, протянул ей несколько листочков с печатью фирмы и подписью: «Сумму впишете сами».

Последний адрес Ия оставила на день отлета. Судя по бизнес-реестру, фирма первого фигуранта расследования была зарегистрирована в квартире обычного жилого дома, там же был прописан и он сам. Загрузив адрес в Гугл, Ия ахнула: он находился в двух домах от ее отеля. Мимо этой неопрятной пятиэтажки из силикатного кирпича с разномастными лоджиями и небольшим гастрономом на первом этаже, такой же, как все пятиэтажки в квартале, она всю неделю проходила дважды в день – утром по направлению к остановке, вечером от остановки к отелю. И, возможно, даже попадалась своему герою на глаза. Она вполне могла не узнать его, поскольку его внешность была так же ординарна, как и жилище. А вот он вполне мог ее узнать. Теперь, становясь напротив его подъезда с фотоаппаратом, она немного робела: не хватало еще столкнуться с ним нос к носу. Она не очень верила в его заграницу. Ия сделала несколько снимков, но он так и не вышел ей навстречу из подъезда.

Год назад, примерно в октябре, с Ией случилась странная штука, которая мешала ей жить и работать: у нее стала развиваться непереносимость людей. Точнее, скоплений людей. Характер мероприятия не имел значения, как и то, получала ли она удовольствие от посещения или нет, разговаривала с людьми или молча слушала музыку на концерте, неважно, три человека

собралось или тысяча. Через два, в крайнем случае, три часа ее начинала трести нервная дрожь, сбивалось дыхание, и спасало ее от окончательной катастрофы только срочное уединение.

Сначала она заподозрила у себя повышенную чувствительность к слабым электромагнитным излучениям: конференц-залы, полные работающих устройств, обычно покрыты плотным полем вайфая. О таком особом свойстве, развивающемся иногда у современного человека, ей рассказал пару лет назад оператор-японец, которого привез с собой из Лондона режиссер популярного токийского телеканала, снимавший сюжет в городе Ии.

Ия с переводчиком встретила обоих в аэропорту, а когда токийский японец выскочил из такси в офис переводческой конторы оформить заказ, лондонский японец обернулся к ней с переднего сидения и спросил, работала ли Ия когда-нибудь с журналистами из Японии. Она призналась, что нет, и тогда лондонец с чувством, которое, как Ия поняла позже, было страданием от несовершенства покинутой родины, воскликнул: «Это худшие журналисты в мире!» Пояснить свое утверждение он не успел: токиец вернулся в такси вместе с переводчиком.

Эти двое различались так сильно, что трудно было поверить в наличие у них общей родины. Первый был одет во все черное и просторное, носил бейсболку козырьком назад и кроссовки и держался так, словно постоянно был готов к спаррингу: колени слегка согнуты, походка пружинящая, голова наклонена к плечу. Во всех ресторанах заказывал неизменно бургер и колу. Алкоголь не употреблял принципиально и был суровым трудоголиком, поэтому всей команде приходилось работать с раннего утра до глубокой ночи.

Лондонец, звали его Мики, был гурман. Он объездил все европейские страны и едал все национальные блюда. Сразил Ию тем, что попробовал айсбайн унд зауэркраут, и это ему понравилось. Алкоголь тоже не пил и признавался, что в Лондоне этот факт часто вызывает недоуменные вопросы. Одет был обычно – во всяком случае, Ия не запомнила ничего примечательного, кроме желтых ботинок-катерпиллеров. Держался прямо и с достоинством, смотрел далеко перед собой, как человек, выросший в степи. Например, казах. Мики сказал: «Русские щедрые люди. Я думаю, во мне есть русская кровь. Моя прабабушка, наверное, согрешила с русским солдатом или офицером». Ия призналась, что в ней течет еврейская кровь. "Ашкеназская?" – уточнил Мики, чем окончательно ее покорила. Несмотря на азарт и упорство, с которым съемочная группа охотилась на героя, отказавшегося выходить на контакт, несмотря на профессию новостника, оператор снимал длинные раздумчивые планы вдоль мостов и щедро усыпанных осенней листвой проспектов, и они выдавали в нем человека, чувствительного к красоте.

В многодневной погоне за героем далеко за полночь они оказались на пороге ночного клуба. Администрация не разрешила снимать внутри, поэтому на Ию нацепили потайной микрофон, который соединялся проводком с черной коробочкой с батарейками, крепящейся на поясе джинсов под свитером, и послали внутрь. В клубе предположительно ужинал герой. Японцы остались снаружи, нацелив камеру на вход, и слушали происходящее с Ией внутри здания в наушниках. Когда Ия включила коробочку, отвратительная дрожь пробежала вдоль позвоночника и не отпускала, пока она не выключила коробочку, выйдя из клуба ни с чем. Оператор сказал, что это, видимо, электромагнитная сверхчувствительность. Якобы его девушка, англичанка, страдает этим расстройством, и в Британии этот диагноз уже вроде как является официальным.

Ия расстроилась, услышав о девушке. Посторонняя девушка нарушила их душевную близость. Они понимали друг друга без слов. Им нравилось одно и то же. Ии было жаль расставаться с Мики настолько, что при прощании, когда они обнялись в аэропорту, у нее на глазах выступили слезы.

Эта же отвратительная дрожь посетила ее однажды на многолюдном приеме в честь прибытия в город нового самолета, приобретенного национальной авиакомпанией, первого этой серии и еще не испытанного в коммерческих рейсах. Публику в ангаре развлекали лазерным шоу, весь ангар был опутан проводами, везде стояли пульты. Вот Ия и решила, что всему виной электричество. Ей пришлось бежать и спрятаться в автобусе, который должен был вернуть гостей в город.

Однако потом приступ случился у Ии на природе, в деревенском доме приятеля, на вечеринке в честь дня его рождения, а там вообще не было интернета. С другой стороны, в квартире самой Ии, в ее спальне, которая одновременно служила ей кабинетом, стоял роутер и раздавал вайфай прямо на нее днем и ночью, но никакого вреда не причинял. Она отбросила первоначальную версию и остановилась на предположении, что это информационная перегрузка.

"Паралич анализа (информационная перегрузка), - вычитала Ия в интернете, - это состояние, возникающее при слишком долгом и разностороннем обдумывании задачи. Вы даже можете испытать удушье как физический симптом наступления паралича анализа».

Катастрофические последствия злоупотребления массовым мероприятием Ия изживала сутки, скрючившись в постели в позе эмбриона и постепенно разворачиваясь, но не покидая постели вплоть до вечера следующего дня. Ночью ее мучили кошмары. Утром в голове носились бессмысленные обрывки фраз, перед закрытыми глазами мелькали яркие, но незнакомые образы - лица и ландшафты, тошнило, в висках стучало, челюсти сжимались от периодических спонтанных выбросов адреналина. День летел коту под хвост. Невозможно было даже подумать, чтобы сесть за нетбук. Поэтому отныне Ия напоминала себе Золушку, сбегавшую с праздника с боем часов.

Нельзя сказать, что эта напасть возникла на ровном месте. Ия чувствовала нарастающее напряжение в течение года до первого приступа. Поначалу снимать его получалось хорошей живой музыкой. Потом от концертов тоже пришлось отказаться.

Как-то в гардеробе небольшого музыкального клуба, в котором давали, в основном, джаз и фолк, она встретила нубийца Ахмада. Принимая у гостей пальто и возвращая их, он двигался с величественной грацией, словно выполнял высокий церемониал, словно был не гардеробщиком, а королем гардероба. Его худые длинные пальцы манипулировали номерками, двигаясь в сложном танце с синкопированным ритмом, они жили отдельно от высокого прямого торса и спокойного лица. Движения его рук завораживали Ию.

Ахмад был музыкантом. Он приехал лет тридцать лет назад учиться в авиационном институте из северо-восточной Африки и едва успел получить диплом, как вуз закрылся, а авиационная отрасль в стране пребывания развалилась. Еще в студенческие годы Ахмад с однокашниками из иностранных землячеств играл в большом рэгги-бэнде, популярном среди продвинутой местной молодежи. Потом часть бэнда откололась потому, что некоторые участники женились, завели

детей и стали зарабатывать чесом по провинциальным эстрадам. За музыку им неплохо платили, но она стала похожа на деревенские шлягеры.

Ахмад с однокурсником с юго-запада африканского континента Феликсом, которого все звали Фелучо, приверженцы пуризма, играли регги в столичных джаз-клубах. Фелучо занимался техническими переводами в большом бюро, а в субботу вечером подрабатывал аниматором и инструктором модной тогда доминиканской меренге в кубинском баре. Лучо был всеобщим любимцем, у него завелся фан-клуб среди местной молодежи, танцевавшей «латину». Никто из них не догадывался, что на самом деле танцует ангольскую сембу.

Ахмад устроился в школу учителем английского и тоже брался за переводы. И вдруг где-то в административной машине произошел сбой, и Феликс потерял вид на жительство. Он к тому времени уже давно был женат на местной женщине, его дочь ходила в местную школу, но это не произвело впечатления на чиновников. После короткой схватки с миграционной службой Фелучо был выдворен на родину. Однажды он еще приезжал к жене и дочери, но остаться не смог.

Эта история чрезвычайно расстроила всех. Но сильнее, чем по другим, она ударила по Ахмаду. Тот страшно испугался и принялся упрочивать свое положение с энергией человека, бегущего от лесного пожара: на его родине шла гражданская война. Незадолго до отъезда Фелучо он подал прошение об убежище и ждал рассмотрения. Дело тянулось, он ждал документы с родины, попадал в лагерь для нелегалов, добивался продления, обжаловал отказы. После депортации друга Ахмад нанял дорогого адвоката. Чтобы оплачивать его услуги, бросил преподавание и пошел на стройку: в стране был бум недвижимости, и строители получали заоблачные зарплаты. Но даже адвокату Ахмад не вверил судьбу и проштудировал миграционное законодательство так основательно, что, наверное, знал его лучше юриста. Это происходило еще до начала миграционного кризиса. Местная миграционная служба славилась тем, что не предоставила убежища ни одному выходцу из какой-либо страны, в которой велись бы боевые действия. Ахмад стал первым. Затем он сдал языковой экзамен и натурализовался. Как раз к этому времени пузырь недвижимости лопнул, и он потерял работу. Страну опустошал кризис. Ахмад устал убегать от огня. Он устроился гардеробщиком.

Ия сидела в гардеробе среди пальто и болтала с Ахмадом о жизни.

- Ты была переводчицей? И я был переводчиком. Я английский преподавал в школе.

- Я немецкий.

- Я дворником работал. Строителем.

- А я оператором газовой котельной.

- Ну, это все работали. Я как-то встречался со своими земляками. Не здесь дело было, далеко. Стали хвастать, кто какими профессиями овладел. Я насчитал тринадцать. Они все по три десятка. Спрашивают меня: какой у тебя был самый тяжелый опыт в жизни? Я им говорю: сидел в тюрьме месяц (Ахмад называл тюрьмой депортационный лагерь). Они спрашивают: а сколько раз в день там кормили? Я говорю: три, конечно. Они мне: ну, это не тюрьма. А о чем ты сейчас пишешь?

- О человеке, всем фирмам которого закрыли счета в банке и нигде не открывают.

- Нечего деньги отмывать.

- Откуда ты знаешь?

- Я до кризиса работал переводчиком у шведов, которые отмывали деньги в местных банках. Потом разгорелся скандал с Америкой, и получаться перестало. Им вежливо отказывали под разными предлогами, а мне сказали настоящую причину. Один из них привез деньги, у него взяли, а потом немедленно их арестовали. Полтора миллиона евро. Как он плакал! Дошел до суда, до консула, нашел связи в Риксдаге. Через два года отдали. А тут и кризис кончился. Он рад: все деньги потеряли, а он сохранил. Упаковал их в чемодан и уехал в Швецию. У меня для тебя есть отличная тема. Я узнал, что Еврокомиссия выделяет правительству деньги на юридическую поддержку таких, как я. Беженцев. Солидную сумму. Я был один такой, как я, один! Один! Мне не досталось ничего! Я работал на адвоката несколько лет, съел собаку на миграционном праве, а они мои деньги просто присвоили. Я довольно много накопил, на следующей неделе позову тебя на кофе.

Ахмад, хоть и был беднее церковной мыши, повел Ию в недешевое кафе. Пришел, однако, без документов, объяснив, что морально еще не подготовился к публичности. Он крайне щепетильно относился к тому, в какой газете и на каком языке из двух, на которых в стране выходила пресса, появится связанная с его именем информация. Сказал: «Меня здесь многие знают».

В субботу Ия снова сидела и болтала с ним под чужими пальто:

- Помнишь того египтянина?

- Никогда не верь египтянам (с неожиданной горячностью)! Я как поговорю с египтянином, всякий раз проверяю (заглядывая за лацкан пиджака): на мне ли еще моя футболка. Если он пожмет мне руку, я потом пальцы пересчитываю (разглядывая кисти рук). Знаешь, как долго он морочил мне голову, чтобы не платить три евро за вход?

- Он наполовину немец. Он экономный.

- Он врет! Египтяне всегда врут!

- Его зовут Михаэль, и он шпарит на немецком, как на родном.

- Видишь, он даже от немецкой своей половины взял худшее!

В клуб вошли двое сильно пьяных мужчин. Один из них, который лучше держался на ногах, сжимал в правой руке горлышко наполовину уже пустой бутылки виски. Он спросил:

- Ахмад, можно нам в клуб пройти?

- У тебя будут проблемы с охраной, - ответил Ахмад с доброжелательной назидательностью, - Ты пил у входа, а там камера висит (он ткнул указательным пальцем куда-то за дверь, и у Ии в груди заныло от непередаваемого изящества его жеста). Неважно, что твой приятель пьян, а ты нет. Его пустят, а тебя выведут сразу. Потому, что ты пьешь у входа и этим рушишь основы их бизнеса.

Мужчины помялись и вышли. Ахмад умел разруливать все. Вошла миниатюрная девушка в высоких сапогах на шпильках и со стразами на гелевых ногтях. Ахмад принял у нее коротенькую куртку, выдал номерок, снова протянул руку и с заботой произнес:

- Лиза, дай мне свой телефон, я подержу у себя, а то потеряешь опять. И не пей много.

Девушка отдала смартфон, смеясь:

- Постараюсь, Ахмад, но не обещаю.

Покачивая бедрами в тесных джинсах, скрылась за дверью в зал. Ахмад, запирая ее мобильный, тоже обклеенный стразами, в маленький сейф, сообщил Ии, что собрался в Лондон к сестре: «А то скоро двери закроются».

- Зачем тебе в Лондон? - спросила Ия разочарованно.

- Заработаю денег на квартиру и вернусь года через два. Я везде могу работать. Могу официантом. Могу на стройке. Могу пальто выдавать.

- Тебе надо карьеру делать, - рассердилась Ия, - ты авиационный инженер, техником по обслуживанию самолетов тебя возьмут.

- Может, и возьмут, - ушел от ответа Ахмад, - Понимаешь, мне нужно продолжение. Я хочу ребенка. У меня была такая возможность, но я ее упустил. Заработаю на квартиру и вернусь. Женюсь тут.

«Кладбище упущенных возможностей», - грустно подумала Ия, а вслух спросила:

- Ахмад, ты смерти боишься?

- Нет, смерти я не боюсь, - сказал Ахмад, а затем произнес фразы, от которых у Ии по коже пробежал озноб причастности к Большой Истории:

- Я очень твердый в душе человек. Несколько поколений моей семьи занимались революцией. У нас дома принято думать не о себе, а о людях.

Он позвонил ей еще раз и пригласил на кофе, чтобы сообщить, что охладел к идее прищучить миграционную службу, потому что ему теперь уже все равно. Он купил билет на самолет. Над столиком нависла печаль. Ахмад спросил, вдруг взглянув Ии в глаза:

- Ты приедешь ко мне в Лондон?

- Нет, Ахмад, - ответила она, встала, положила руку ему на плечо, слегка сжав его, и ушла.

Надвигалось Рождество. Когда происходили всенародные праздники, Ия ощущала себя изгоем. Она не только разучилась получать от них удовольствие, но и перестала понимать людей, празднующих с удовольствием в шумных компаниях. Теперь ей было невдомек, какие чувства склеивают людей помимо прагмы, если они не готовы сохранять друг другу текущую, бытовую лояльность.

Ия читала чужие отчеты о путешествиях и вечеринках и представляла себе себя человеком с гипсом на ноге, смотрящим из окна своей квартиры вниз на людей на противоположной стороне улицы. Люди заходили в магазины, покупали кофточки и сапоги, открывали двери в ресторан, а

некоторых можно было увидеть за день даже дважды или трижды. Вся эта суэта вызывала бы у Ии зависть, если бы она могла понять, что заставляет этих людей снова по противоположной стороне улицы. Она мечтала придумать себе тихую, камерную астеническую жизнь в стиле поздних 70-х и спрятаться в ней. Ничего не происходит. Маленькие незаметные перемены. Все внутри. Жизнь будет тянуться неторопливо и постепенно, незаметно подползет к старости... Но становилось тесно от нереализованных амбиций, к тому же, нужно было зарабатывать деньги.

Как назло, странная немочь напала на нее как раз тогда, когда ее карьера резко пошла в гору. А возможно, думала Ия иногда, и вследствие этого. Теперь ей приходилось не только присутствовать, как прежде, на конференциях, в перерывах отлавливая докладчиков на интервью, но и участвовать в них самой, причем порой с докладами на английском языке, которым она владела весьма посредственно.

За год Ия не только смирилась с ограничениями, но и научилась находить прорехи в этих границах. Видимо, проблема крылась в ее постоянном сосредоточении на цели. Вся информация, кроме той, за которой она охотилась, воспринималась Ией как избыточная.

Не только она победила свою немочь, но и немочь тоже победила ее. Произошло их взаимное проникновение. Всего за год ее жизненные привычки изменились кардинально. Сменились темы и сферы профессионального интереса. И хотя Ия научилась интуитивными усилиями, постепенно, сдвигать нервное напряжение с важных областей в сторону, расчищая пространство действия, оно не уходило совершенно, проявлялось в неожиданных местах или рассеянно, сохраняя постоянную общую интенсивность. Раздражали разговоры в чате. Не хотелось ходить в гости к старым друзьям и выслушивать их слишком долгие и подробные рассказы о себе. Невозможно стало читать книги и смотреть фильмы.

Зато обнаружила универсальное успокаивающее свойство воды. Умиротворяло ее созерцание, погружение в нее, слушание ее плеска. Вблизи от дома было много разнообразных водоемов. До начала купального сезона можно было пройтись в одиночестве по берегу моря с собакой, и шорох волн снимал напряжение. А в конце апреля Ия уже шагала по кромке воды босиком. Впрочем, две теплые весны подряд позволяли купаться в реке уже с середины апреля.

Все лето и начало осени Ия выгуливала собаку на реке, там и купалась до середины октября. Но пошли дожди, тропинку залило водой, и Ия стала ходить через мост по променаду и обратно. Как правило, это свидетельствовало об окончательно испортившейся погоде: до морозов к берегу пройти уже не удастся. Но как-то, положив трубку после напряженного разговора, Ия автоматически повернула с собакой в другом направлении, к озеру. Видимо, разговор порядком встряхнул ее, поскольку она уже два года избегала этого маршрута, не в силах смириться со смертью прежнего пса, с которым ходила по нему десять лет.

Ия повела собаку к озеру, а там лес и дюна, там сухо, и пока дойдешь до берега быстрым шагом, разогреешься. Она подошла к берегу и увидела, что за лето городские службы хорошенько почистили дно, поставили кабинку для переодевания, детскую площадку и скамейки. Летом с собакой туда дороги не будет, потому что там отдыхают люди. Но сейчас на берегу никого, вода совершенно прозрачная и манит...

Ия дошла до отдаленного пляжа, быстро сбросила куртку, сапоги, разделась донага и окунулась. Вопреки ожиданиям, поздняя осень не принесла уединения: недалеко от берега болталась

резиновая лодка с двумя рыбаками. Но поскольку лиц Ия разглядеть не могла, решила пренебречь приличиями. На выполнение этой программы ушло немногим более полутора часов, но Ия устала.

Назавтра Ия снова пошла на озеро. Вода обжигала, но она, тем не менее, плыла. После купания кружилась голова. Пляж был песчаный, и ноги приходилось полоскать, одеваясь, дважды. Ия боялась, что ноги слишком сильно остынут. Следующей ночью ударил мороз, на берегу намерз слой льда, и купания прекратились.

На рождественские каникулы дети уехали. Ия осталась в квартире одна на две недели. Но в этой новой для нее ситуации главным было не одиночество как таковое. Важно было, что их отъезд, вся эта сложная деятельность от зарабатывания денег на дорогу до поиска стыковок, покупки билетов и организации ночевки в пути, все это жизненное планирование и строительство происходило без какого-либо ее участия. Рядом с ней, но помимо нее. Младший позвонил с дороги и спросил: «Мама, что тебе купить?» Этот вопрос совершенно ее ошеломил. Она не нашла, что ответить. К этому еще предстояло привыкнуть. Предстояло научиться находить ответ на подобные вопросы легко и быстро. Это вызывало растерянность.

Весь декабрь был одним сплошным командировочным марафоном. Ия подрядилась готовить региональные обзоры и для этого каждую неделю дважды пересекала границу: один раз юго-западную и один раз северную. Поэтому в то время, как две трети ее друзей готовились резать салаты и сравнивали предпраздничные средние чеки, а оставшаяся треть публично кляла ненавистный праздник и готовилась грустить в одиночестве, Ия проходила очередной раунд борьбы со стрессом.

Ей удалось найти действенное средство, благодаря которому она больше не принималась мерить шагами квартиру, едва вскочив с постели, и могла есть сидя, а не кружа с тарелкой на весу вокруг обеденного стола. Автоматическое письмо.

Перечитывать свою писанину ей было не интересно, это даже нельзя было назвать дневником, просто писала себе и писала всякую чепуху в бесчисленных блокнотах с конференций и на почтовой бумаге с логотипами гостиниц и бросала все это в ящик стола. Но, поди ж ты, помогло. Новый год она встретила в одиночестве, но в покое.

Потом ей все же стало жаль заброшенных в дальний угол текстов (к текстам Ия относилась с пиететом), и она набрала их на нетбуке, а потом просто дописывала, прокрутив в самый низ. Так она начала писать книгу - не заботясь о фабуле и даже не надеясь на сюжет.

«Периодически в жизни происходят события, к которым ты готовился давно, и которые держали тебя в напряжении годами, давили подспудно и явно, портили безмятежность момента. Я вызвала мастера, и он заменил мне анод в бойлере. И такое облегчение неопишное.

Некоторые события в жизни имеют гигантское символическое значение. Эдакий огромный символический воздушный шар, который заслоняет собой все твоё будущее, и тебя несказанно прет, невозможно ничего планировать, потому что кажется: вот он водораздел, вот точка, и после нее с чистого листа. В мою жизнь они часто приходят в виде пары строчек э-мэйлом: нам понравился ваш ..., мы его публикуем. Но чаще всего эти символические гиганты ничего фактически не меняют в твоей жизни. А несут перемены такие маленькие серые мышки, которые пробегают и небрежно хвостиком ах... Но от них не прет.

Иногда случаются в жизни события, про которые тебе сходу понятно, что это начало истории. Тебя может закрутить и затянуть в ад, и ты не будешь знать, выберешься ли ты из этого ада живым, но ты уже понял, что есть завязка, и, распираемый любопытством в ожидании кульминации и развязки, ты мысленно пишешь книгу. Такой параллельный жизни процесс. А бывает целая куча разнообразной фактуры, и не за что зацепиться.

Главное событие в моей жизни этим летом – я научилась плавать. А я уже было стала думать, что в моей жизни все поздно. Для этого, оказалось, нужно всего-навсего повернуться лицом от ближнего берега и плыть к противоположному.

Мне нравится наблюдать за сновидениями в момент пробуждения. Можно заметить, как слова, картинки, звуки и ощущения порхают, как бабочки и, зацепившись за луч сознания, а потом склеиваясь друг с другом замысловатым случайным образом, вспыхивают неожиданным смыслом. Сегодня утром мне снилось, что я еду в Тарту брать интервью у одного ученого, наполовину немца, наполовину цыгана. Профессор выглядит вполне нордически, как последний виденный мной немец, но у него смуглая кожа. Я просыпаюсь и думаю: немец и цыган, приснится тоже. Как такое только сложилось в мозгу. Пять минут, не меньше, мусолю эту нелепость: немец и цыган, какая чушь. И вдруг осознаю, что это мой бывший возлюбленный».

Часть II - сексологическая

Пришел день, и дети покинули Ию насовсем, уехав за границу. Выбор направления обоих был временным, но очевидным являлось и то, что они не вернутся. Она жила в квартире с собакой, которую не на кого было оставить. В квартире с тремя спальнями, две из которых пустовали. С зияющей дырой на месте ответа на вопрос «зачем?». Ия растерянно бродила по пустующим комнатам и вдруг вспомнила, что это уже происходило с ней не однажды много лет назад в одном повторяющемся сновидении. Во сне она бродила по новой, недавно обжитой квартире на первом или втором этаже небольшого дома и вдруг (хотя она, конечно, всякий раз знала о том, что это случится) обнаруживала одну за другой пустующие комнаты с кроватями, на которых некому было спать. Растерянно трогала ветшающие пыльные покрывала, и в груди рождалось тянущее чувство сожаления о напрасности, ненаполненности, ненужности этих помещений, а может быть, ее жизни. Ия удивилась, как точно ее нынешнее чувство совпадает с тем, что она испытывала во сне.

Переписка и переговоры с сыновьями в чате отвлекали ее внимание от работы, утягивали фантазию в две абсолютные точки мыслимого пространства в противоположных направлениях. Но в физическом, зримом и осязаемом пространстве вокруг нее образовалась пустота, в которой она растворялась. Пустота рождала тягу. Из-за нее откуда-то из недр души всплыл, казалось бы, давно решенный вопрос: «Как я хочу, чтобы сложилась моя жизнь?» Категоричное, не терпящее компромиссов «как» доводило Ию до исступления. Но «я» в качестве субъекта не имело достаточного веса, и вся конструкция распадалась.

Ия постепенно доедала киноа, годжи, земляной миндаль, японскую рисовую лапшу и немецкую яичную лапшу. Всю эту модную чепуху накупал старший сын с первых заработков, прираствившись к готовке. Ия вспомнила, что в его возрасте она и ее друзья получали удовольствие от аскезы. Ночевала в трех спальнях поочередно. Бродила по квартире, взгляд ее падал на тот или иной предмет, и в ней внезапно волной растекалось безразличие к этой вещи, к соседним и к этому пространству целиком. Вся сентиментальная чепуха, которую она так цепко удерживала вокруг себя долгие годы, интуитивно наполняя чувствами среду обитания детей: их

рисунки, поделки, фотографии, боксы для школьных обедов, две пары резиновых сапог, две кружки-термоса, две бутылки для воды с выемкой для велосипедного зажима, мишень для дартса с воткнутыми в нее дротиками – все вдруг превратилось просто в старый хлам. Ия принялась сметать его в мусорный мешок, но на полпути остановилась: силы покидали ее по мере того, как вещи покидали полки. Ия не готова была пережить пустоту. Для чего нужно освободить это место? Что она хотела, чтобы было вместо всего этого? Само это место было в свое время ответом на вопрос: «Как я хочу, чтобы жили мои дети?» Этот вопрос больше не стоял. Ия хотела сменить сразу все, вместе с самим местом.

Ия вспомнила о подруге, в обществе которой ей нравилось проводить время. Подруга была успешным дизайнером промышленных интерьеров и держала галерею, которая в свое время открывалась для продажи картин ее мужа. Сам он к этому занятию, являясь истинным художником, не был приспособлен. Галерея находилась на пятом этаже фешенебельного торгового центра в центре города, и подругу всегда можно было там застать. Та всегда радовалась гостям. Галерея стала местом сбора, точкой сборки всего их круга. Со временем благодаря неукротимой предприимчивости и авантюризму подруги деятельность галереи выплеснулась далеко за рамки семьи и границы государства, а помимо картин и скульптур в ней появились барная стойка и стеллажи с португальскими винами. Вина были легки и обладали отменным букетом. Вина давали стабильный доход. Вина испортили все. Оказалось, что очень просто откупорить очередную бутылку. Вскоре подругу уже невозможно было застать без бокала винью верде в руке.

Алкоголизм не лишил подругу предприимчивости, дерзости и феноменальной трудоспособности, но развязал чувства. Она перестала прощать мужу его недостатки. Она вспомнила, как он всю дорогу обесценивал ее достижения и саботировал начинания. Как унижала и угнетала ее его мамаша, как держала ее, приезжую чужачку из сибирской глуши, за служанку в их фамильном особняке, стоявшем на самой дорогой земле в городе. Как в деревне сорвала руки, таская тяжеленные ведра с водой от колодца до дома свекрови, и полгода не могла держать кисть. Как муж заказал себе роскошное бюро из мореного дуба и поставил посреди начальственного кабинета в выставочном центре, проектированием, строительством, арендой и продажей которого руководила она, ей же определил скромный икеевский столик у входа в этот кабинет.

Вспомнила, что с начала их семейной жизни тридцать лет назад и до сих пор он так и не удосужился зарегистрировать брак. Что первая персональная выставка в их семье была ее. Он во время вернисажа прятался на чердаке, который использовал как мастерскую, и грыз ногти от ревности. Он ревновал искусство к жене и жену к искусству. Позже этот чердак подруга превратила в первоклассное жилье и продала. Как превратила в деньги и фамильный особняк. За этой сделкой последовала череда новых сделок с разными объектами недвижимости семьи, ни один из которых не принадлежал ей. Галерея тоже принадлежала мужу. Как и квартира, в которой она жила. Она владела только фирмой по торговле алкоголем. Живописью она не занималась с тех пор, как родился сын.

Не стесняясь окружающих, она крутила романы на стороне. Свидетелями ее безобразных ссор с мужем нередко становились случайные посетители галереи. Сейчас на стенах снова висели ее картины с той первой выставки. Она налила себе и Ии белого и стала рассказывать о том, что собирается уйти от мужа, вот только начнется новый проект, и она станет зарабатывать

приличные деньги, сын привык жить в достатке. На ее предплечьях с тыльной стороны снова были видны характерные широкие шрамы, еще свежие. Ия заметила, что переносица подруги вдавлена внутрь ее широкого калмыцкого лица больше, чем прежде. Подруга сделала пару глотков и задышала ртом. Стеснительно, по обыкновению, улыбаясь, объяснила, что от любой принятой внутрь жидкости слизистая немедленно отекает.

Потом, не выпуская бокала, подошла к самой большой картине, на которой светился теплыми оттенками янтаря шершавый сосновый ствол, видный в ее юности из окна ее комнаты в доме свекрови, и тихонько заплакала от жалости к себе. Произнесла мечтательно:

- Я еду в Париж, Гия зовет в свою мастерскую. Снова хочу заняться живописью. Я мечтаю, гуляя по какой-нибудь парижской улице, познакомиться с французским архитектором. У нас найдутся с ним общие темы для разговора. Чтобы он был красив, и чтобы на нем были дорогие туфли. И чтобы мы влюбились друг в друга с первого взгляда, он женился бы на мне и увез меня отсюда навсегда.

Потом утерла слезы, ее лицо снова приобрело буднично-деловитое выражение, и она заговорщически прошептала:

- Никому еще не признавалась, тебе первой. Я вступила в партию (она назвала партию, которая два года назад провела в ее галерее учредительное собрание). Баллотируюсь в парламент. Конечно, меня не выберут. Но мне уже предложили должность советника депутата. Все равно, какого депутата, какого выберут от списка и назначат в комиссию по культуре. Я смогу лоббировать проекты галерей.

И, глядя на подругу, Ия похолодела от ужаса. Она испугалась, что сойдет с ума в своем одиночестве, что так же потеряет над своей жизнью контроль, пропустит последний момент, когда что-то еще можно изменить, и все покатится по крутому склону вниз. Она обняла и поцеловала подругу и ушла. Ия не могла больше находиться в обществе дорогой ее сердцу женщины, о жизни которой знала так много всего, потому что та заслоняла ей перспективу. Ия тоже давно хотела уехать из этой страны навсегда.

Это желание было столь же сильным, сколь неопределенным. Когда-то в молодости у Ии имелось основание для эмиграции, но она, ненадолго и неудачно выйдя замуж, упустила исторический момент.

Однажды Люфтганза пригласила ее на мировую презентацию своего (и первого в мире) пассажирского боинга Джамбо новой модификации. Это происходило в те благословенные времена (забавно, что теперь они вспоминались как благословенные), когда мир еще не раскололся надвое (этому явлению дали даже специальное название «поляризация»), а Ия могла легко переносить массовые мероприятия любого масштаба. Это было самое грандиозное мероприятие, на котором когда-либо приходилось присутствовать Ии. Вереницы автобусов почти полчаса везли журналистов со всего мира (точнее, представителей всех направлений Люфтганзы) от центрального въезда в знаменитый франкфуртский хаб до огромного ангара, в котором стоял, до поры скрытый от глаз, самый длинный в мире пассажирский самолет. Рядом с Ией в автобусе сидел парагваец, владелец туристического подкаста. Как только экран, отделявший журналистов от Джамбо, отъехал в сторону, глаза парагвайца зажглись, и он ринулся фотографировать гигантские медные конусы межконтинентального лайнера, в то время

как другие журналисты выстроились в очередь перед трапом. Во время приема за одним столом с ней стояла лакомилась мороженым с васаби итальянка лет пятидесяти, жгучая брюнетка в алом комбинезоне рискованного кроя и молодые нигерийцы, высокие, худые и грациозные, как модели: две девушки с узкими лодыжками, в юбках-футлярах и широкоплечий мужчина в синем костюме.

Ию поселили в отеле, принадлежащем дубайскому шейху, в номере «с отдельно стоящей ванной». Ванна, огромная, облицованная мрамором, действительно располагалась посреди просторной студии таким образом, чтобы взгляд гостя, лежащего в ней, был обращен на городскую панораму, которую можно было наблюдать сквозь стеклянный фасад. Ия не устояла перед искушением и немедленно наполнила ванну, всыпав в нее всю ароматную соль из большого флакона, стоявшего на краю. Когда она погрузилась в воду, откуда-то сверху зазвучал Моцарт. Но ни эта роскошь, ни постная телятина с грюне грютце, франкфуртским зеленым соусом в знаменитой кнайпе на противоположном берегу Майна, ни ужин в винном поместье поставщика Люфтганзы близ французской границы не позволили Ии почувствовать себя любимой так глубоко, как небольшое зеркало в дамской комнате терминала первого класса. Оно было лучшим, что имелось в терминале первого класса франкфуртского аэропорта, а возможно, и во всем Франкфурте. Оно льстило тонко, непринужденно и с достоинством английского дворецкого. Оно говорило: "Лучшее, что есть в терминале первого класса - это Вы, мадам!"

Покидая отель, Ия прихватила с собой в самолет толстую Frankfurter Allgemeine. А может быть, это случилось во время командировки в Европейский центробанк. Нет, тогда их возили во Франкфурт из Брюсселя на поезде всего на несколько часов. Впрочем, может быть, газета стояла на стенде в лобби брюссельской гостиницы. Она потом залежалась в одной из дорожных сумок. А когда Ия обнаружила ее и собралась порвать на протирку зеркал, ей в глаза бросилось короткое объявление в подвале последней страницы, которую она при иных обстоятельствах читать бы не стала. Текст в несколько строчек был озаглавлен: "Идиллия во Франции" - и гласил, что продается дачный домик эпохи второй революции в Вандее, площадью 124 квадратных метра, стоящий на окраине исторической деревни, которую запрещено перестраивать. Хозяин-продавец сообщал, что дом со стильной меблировкой, находящийся в 30 километрах от моря, отремонтирован, причем сохранен оригинальный камин, при доме есть большой сад, старинный колодец, пристройки и двойной гараж. Внизу объявления имелся маленький нечеткий черно-белый снимок, на котором контуры дома можно было различить с трудом. Но картина, которую продавец описал усеченными фразами языка объявлений, используя сокращения, так явственно стояла перед глазами, что надолго стала для Ии символом идеальной жизни НЕ ЗДЕСЬ.

Ия в тот момент ожесточенно зарабатывала деньги и не представляла себе, зачем она могла бы оказаться в глухой деревушке в Вандее. Впрочем, притягательность мечты происходит именно из ее неисполнимости. Ия аккуратно вырвала объявление, положила клочок газетной бумаги размером с пластиковую карту в портмоне и несколько лет, пока тот не истрепался окончательно, носила его как талисман, доставая и перечитывая в минуты грусти.

Но теперь, когда Ия всерьез задумалась о том, куда она могла бы уехать и что там делать, она обнаружила, что все предыдущие годы была занята исключительно вопросами выживания, планировала свою судьбу не далее, чем на месяц вперед и почву для переезда не подготовила.

Теоретически Ия всегда знала, что сыновья уедут. Это намерение она возвращала в них всю жизнь. На ее родине хорошо растить детей, считала и говорила она, здесь уютно, комфортно и безопасно, но ни одна мечта здесь не воплощается в реальность. Окончательная ясность в этом

вопросе снизошла на Ию однажды во время внеплановой проверки премьер-министром новых дорог в западно-восточном направлении, железных и асфальтированных. Министерство путей сообщения пригласило прессу присоединиться. Премьер забрался в новенький локомотив и погудел громко. После проверки микроавтобус и три автомобиля повезли всех обедать в придорожный ресторан с террасой с видом на реку. Вся компания расположилась на террасе. Премьер сидел за столом на деревянной лавке напротив министра путей сообщения и директора железных дорог. Через стол от него сидело его секьюрити с водителями. И между ними располагалась пресса. Лица у секьюрити и правительства, конечно, различались, но не радикально, а дресс-код почти нет. У прессы дресс-кода не было вообще. К пристани причалил туристический драккар. Это был не попсовый какой-нибудь драккар, а почти настоящий, построенный по старинным образцам специально для развлечения сельских туристов.

К пристани пристал драккар, Ия с премьер-министром обедала на террасе, а потом ушла качаться на качелях. Она раскачивалась, качели скрипели, правительство смотрело на нее, приканчивая десерт, дул легкий ветерок. И на Ию снизошло чувство, которое неявно уже навещало ее в подобных служебных поездках по прекрасным ландшафтам ее страны: как мило, уютно, но до чего тесно ей жить в стране, которую она сейчас должна считать родиной. Все равно как весь год провести на летней даче.

Поэтому Ия сосредоточилась на том, чтобы позволить детям как можно дальше вылететь из гнезда. Эта задача облегчалась тем обстоятельством, что большинство ее сверстников были настроены так же, и, соответственно, друзья ее детей тоже разлетались из семейных гнезд в самых разных направлениях. Всеобщее стремление юношества покинуть родину нашло выражение в лозунге, затертом до состояния общего места, который молодые повторяли восторженно и бездумно: «Перед нами открыт весь мир!» Однако истинный смысл этого утверждения звучал бы так: «Молодому человеку, намеренному добиться в жизни успеха, нечего искать на родине».

Теперь, когда сыновья покинули дом, Ия обнаружила, что не позаботилась даже о том, чтобы беспрепятственно выехать за границу в качестве туриста. Даже для того, чтобы навестить их в их заграницах, она должна была получать визу, поскольку не прошла натурализацию, в то время как оба сына, будучи гражданами своей родины, пользовались правом безвизового въезда. Дети настойчиво звали в гости и даже готовы были оплатить билеты. Однако оформление визы было хлопотным и затратным делом, одна из стран даже не имела посольства на родине Ии, а Ия позволяла себе ездить за границу только в командировки и только за счет редакции. Ия не имела права работать в других странах. Она не выучила английский, в конце концов. Поэтому теперь, когда мечты о смене страны проживания снова приобрели актуальность, она видела себя в этой системе координат ниже нулевой отметки.

Отныне любые мысли о загранице фрустрировали ее, и она предпочитала не думать о планах на жизнь вовсе. Подавленные желания, тем не менее, влияли на Ию так сильно, что, например, даже мужчины, вызывавшие в ней симпатию, все без исключения оказывались иностранцами. Нет, она не мечтала, что они заберут ее отсюда навсегда. Просто все связанное с родиной было покрыто толстым слоем скуки и не вызывало даже искры интереса. Но поскольку за границу Ия выезжала только по работе, а работу с личной жизнью она смешивать не любила, интимные связи случались в ее жизни редко и кончались с отъездом кавалера. Ия растила детей, а романы несли риск. Последний ее любовник, македонец, девелопер, высокий бородатый брюнет с роскошной шевелюрой, подошел к ней знакомиться на конференции по недвижимости прежде, чем она задумала взять у него интервью. Он, как человек импульсивный, действовал быстро,

упреждая ее оборонительные маневры. Но секс с ним принес Ии разочарование. Она обнаружила, что больше не может удержать эротического возбуждения. Оно гасло уже на этапе любовной игры. Ия боялась нового разочарования и больше не предпринимала попыток найти мужчину.

Выйдя из галереи, Ия задумалась о том, какое свойство характера позволяет ее подруге легко сходиться с мужчинами даже намного моложе нее, не заботясь о репутации и неприятностях вроде поруганных чувств. Ее выводы были неутешительны и для нее, и для подруги. Размышляя об этом, она миновала пару кварталов и поднялась к приятелю, которому собиралась вернуть ключ от его городской квартиры, собственно, той, в которой он и находился в данный момент. Приятель был экспатом, предпочитавшим не жить на родине из-за несогласия с политикой властей. Можно было бы даже сказать, что нынешний режим поставил крест на его карьере (в свое время он работал юристом в компании, пережившей силовой захват структурами спецслужб, и на родине над его головой навис риск уголовного преследования) – если бы Ия не видела, что он больше не хочет заниматься ничем серьезным.

В эмиграции приятель задумал написать книгу об истории рейдерской атаки на его компанию. Процесс сбора материала кое-как структурировал его нынешнюю бесцельную жизнь и создавал поводы для длительных поездок в Лондон и Нью-Йорк, где он по месяцу просиживал в библиотеках, судебных архивах и разнообразные реестры. Его книга была уже почти готова, и тут его ограбили в поезде, украв ноутбук, в котором он хранил все собранные материалы – сканы документов, аудио-интервью и тексты, все результаты двухлетнего труда. Добравшись до дома, он лег на диван и пролежал три недели, глядя в потолок и думая о том, что два года жизни прошли зря. Эта история так подавила его, что он с трудом говорил о ней, а если начинал, рука его непроизвольно тянулась к груди в области сердца. С месяц назад он мрачно оповестил Ию, что намерен начать все сначала. Некоторые из опрошенных источников уже ушли из жизни, другие сели, денег на долгие путешествия в библиотеки англосаксонского мира уже не хватало. Что побудило его принять такое решение, Ия не понимала, но его упорство внушало ей уважение.

Ия познакомилась с этим человеком, как только он переехал жить в ее город, и мгновенно поддалась его нарциссическому обаянию. Она, однако, не сразу заметила, что он соблазняет ее вовсе не для того, чтобы затащить в постель, а для поддержания статуса. Сейчас чувство уже едва тлело, но за то время, пока оно притягивало Ию к нему, она привыкла снисходительно относиться к его высокомерию и сменяющим его приступам цепящего стыда, который вгонял приятеля в тяжелые запой. Во время самых тяжелых приступов приятель предпочитал запирается в квартире, не отвечая на звонки и смс, но посылая желчные тексты и комментарии в соцсетях и портя отношения со старыми друзьями. В конце концов, между ними установились теплые отношения, которые можно было бы, наверное, назвать дружбой, если бы Ия не опасалась каждый момент стать жертвой его яда. Возможно даже, в качестве друга он был бы гораздо более пригоден, чем в роли любовника. Но в последнее время более чем полуторачасовое общение с ним, несмотря на привычку к нему, тоже стало вызывать у Ии отвратительную нервную дрожь.

Теперь она намеревалась вернуть ему запасной ключ от его квартиры, который он вручил ей для хранения «на всякий случай». Сам по себе этот факт, безусловно, свидетельствовал о его глубоком доверии к ней, однако и об особой тревожности немолодого одинокого человека. Первоначально предполагалось, что таковой случай может возникнуть в экстренных

обстоятельствах, например, утраты хозяином основного ключа или же аварии, скажем, водопровода в момент отсутствия его в городе. Однако потом оказалось, что Ия должна всякий раз срочно выезжать в центр города для передачи ключа его многочисленным друзьям и знакомым, которых он приглашал остановиться в его квартире в его отсутствие. Ия отказалась от роли ключницы, сославшись на занятость. Это соответствовало действительности, но настоящей причиной отказа было нежелание встречаться с чужими людьми.

Ия застала приятеля за столом, уставленным бутылками с виски и пивом, в компании давнего коллеги. На своей родине в районе Кавказского хребта этот человек считался политическим диссидентом и сейчас находился в городе Ии проездом из одной страны Европейского союза в другую. В отличие от приятеля Ии, он был профессионально востребован в эмиграции. Ия уже встречалась с ним в этом доме, тогда он был с женщиной, его соотечественницей, профессоршей, работавшей в Европе по контракту.

Приятель тоже только что вернулся из поездки на родину. Родина его обыкновенно ввергала в уныние, и он радовался возвращению в город Ии. Накануне Ия переписывалась с ним в чате, он был сентиментален и благодушен, и теперь она тоже радовалась его возвращению. Она отдала ключ и, вопреки первоначальному намерению сразу уйти, села за стол, пообещав себе встать из-за него не позднее чем через час. Но втянулась в беседу и опоздала на последний автобус. Ия не заметила, что понравилась кавказцу, потому что была занята приятелем. Заметил приятель. После какой-то его шутки она наклонилась к нему и ласково потрепала по волосам. Кавказец живо воскликнул, что заслуживает того же, и подставил бритую голову. Тогда приятель спросил, обращаясь к обоим:

- Может быть, вы хотите остаться наедине?

- Да, я хочу, - сказал кавказец.

Ия удивленно спросила:

- Почему?

Кавказец ответил с обезоруживающей искренностью:

- Потому, что в тебе есть драйв! И потому что ты красива! Особенно мне нравится вот это место (он нарисовал в воздухе пальцем линию, которая должна была изображать то ли бедро, то ли ягодицу).

Его искренность так контрастировала с напыщенным ханжеством приятеля Ии, что мгновенно и полностью ее расположила. Приятель, уже весьма пьяненький, заявил, упиваясь собственным благородством: «Я уступаю вам спальню!» – и ушел, натываясь на мебель и покачивая стаканом с виски, спать в комнату для гостей. Своим поступком он словно бы сказал Ии: «Этот мужчина надежен», - и растопил последние осколки ее недоверия. Ия с кавказцем остались в гостиной одни. Она немедленно налила себе виски. Алкоголь не снимал накапливающегося напряжения и даже не давал отсрочки, но позволял не думать о надвигающемся приступе. Ии очень не хотелось прерывать упоительную интимность, зарождающуюся между ней и мужчиной. Она села к нему на колени и сказала:

- В прошлый раз ты был с женщиной.

- Забудь о ней! – он отмахнулся от ее невысказанного вопроса, мешавшего ему быть с Ией в полной мере здесь и сейчас.

- Я не собиралась ни с кем спать, у меня нет презерватива, - сказала Ия.

- Я тоже. У меня тоже, – ответил мужчина.

Ия решила пренебречь этим фактом. Однако что-то по-прежнему мешало ей. Ком слов, накопившихся за время ее долгого одиночества. Она сказала:

- У меня давно никого не было. И сначала я расскажу тебе, почему.

- Хорошо, но потом ты сделаешь мне минет, - сказал кавказец, пытаясь нарочитой грубостью снизить накал звенящей искренности.

- Я согласна, - со смехом подхватила Ия. И принялась рассказывать ему свою жизнь. Она говорила долго, стараясь выудить из глубины памяти самые тяжелые воспоминания, наливая себе виски, но забывая его пить. Она сидела у него на коленях, он напряженно сомкнул пальцы на ее животе под рубашкой, и она чувствовала, что его трясет крупной дрожью. Она спросила:

- Почему ты дрожишь?

Он ответил:

- Не обращай внимания.

Ия поразилась его щедрости. Она так и сказала ему:

Боже, какой ты щедрый! – и стала гладить его по гладкому блестящему черепу.

- Рассказывай! – потребовал он.

Она вдруг почувствовала, что уже пьяна, а не приступила еще к самому главному. Тогда они решили отправиться в спальню, мигом скинули одежду, легли и обнялись. Ия много раз представляла себе себя в этой постели с другим мужчиной, с хозяином этой спальни, его другом, но так и не получила его, и сочла необходимым поведать кавказцу и эту коллизию. И даже тогда тот не оттолкнул ее, продолжал гладить по плечам и спине. Наконец силы Ии совсем истощились, и она замолчала посреди фразы.

- Что было дальше? – легонько толкнул ее кавказец.

- Больше не хочу рассказывать. Все равно не помогает, - сказала она и немедленно уснула на его плече.

Проснулась от того, что он резким движением развернул ее к себе задом. Она слабо улыбнулась спросонья выверенной стремительности его жеста. Ия чувствовала его желание. Она хотела его. Она хотела его, пока он не кончил, и вместе с ним почувствовала его оргазм. Она размышляла, как дать ему понять, насколько она ему благодарна. Он сделал для нее невозможно много за одну ночь. Может быть, он не поймет? Может быть, ее благодарность убьет их легкость? Он вышел в туалет. Ия проснулась совершенно. За окном брезжил серый рассвет. Она услышала, что кавказец обсуждает что-то с ее приятелем в гостиной и почему-то от этого горько, но беззвучно расплакалась. И сквозь рыдания ощутила надвигающееся цунами приступа.

Кавказец вернулся, лег с ней рядом, обнял и сказал, что хочет ее еще. Она сняла с себя его руку и ответила, что ей срочно нужно домой. Вскочила с кровати, быстро оделась и, не умываясь, направилась к выходу. Оба мужчины стояли в гостиной в растерянности. Кавказец протянул к ней руки для прощального объятия, и она поцеловала его в лоб и в губы, последним усилием отдав ему остатки нежности, быстро пожираемой паникой (пусть он хотя бы не отправляется в аэропорт с мыслью, что она жалеет об их ночи). Приятель взялся ее проводить, по обыкновению чувствуя вину в непонятной ситуации. Она шла к остановке молча, вцепившись в его локоть. Он пытался выведать, в чем он перед ней провинился. Она оборвала его:

- Не могу говорить, извини.

- Информационная перегрузка? – спросил он понимающе. Ия кивнула, удивившись, как хорошо он успел ее узнать. И только, сев на переднее сидение автобуса и отвернувшись от салона к окну, она почувствовала, что спасена. Закрыв за собой дверь своей квартиры, провалилась в преисподнюю. Теперь имело значение только, как Ия из нее выберется. Ничего нельзя будет исправить. С надеждой на любовь отныне покончено.

На этот раз Ия пришла в себя только через неделю. Она зашла в галерею и не застала подругу за стойкой. Вместо нее за заведением приглядывал ее муж. За низким столиком в глубоких креслах охристого велюра сидели известный местный антиквар и пара экспатов из соседней страны – хорошо одетый, ухоженный мужчина и изящная женщина в свободном черном платье трапецией со строгим, под горло, воротником. Высокий узел темных волос на затылке обнажал завитки на шее. Даже в тусклом свете лампы, раструб абажура которой свисал над столиком ниже их лиц, было заметно, что женщина красива и необыкновенно женственна, и что она намного моложе своего спутника. Ия присела к столу.

В последние годы экспаты из соседней страны составляли примерно половину завсегдаев клуба-галереи. В основном, это были состоятельные люди, живущие вдали от родины потому, что действующий режим оскорблял их эстетические чувства. Пара обсуждала знакомых из их общего круга, надеявшихся закрепиться в городе Ии, но вернувшихся на родину из-за изменения местного законодательства, в результате которого их пребывание в этой стране очень подорожало.

Особенно угнетало то, что уехавшие казались людьми, успешно влившимися в местную жизнь и даже больше, ее в какой-то мере определявшими. Они пару лет назад тоже открыли небольшую галерею и возлагали на нее большие надежды. Их вернисажи были центром соединения здешнего эмигрантского бомонда, той части их круга, которая (еще) не покинула по той или иной причине страну происхождения, но разделяла их взгляды, и местной культурной элиты, жаждущей новых впечатлений. Однако публичная слава, которой хозяева добились искусной работой с прессой и умелым подбором имен, не принесла им внимания местных меценатов и коллекционеров. Проект оказался шумным, но малоприбыльным. Люди, сидевшие с Ией за столиком, были расстроены тем, что лишились большей части общения, к тому же капитуляция друзей их деморализовала. Ия прежде с ними не встречалась, но включилась в беседу благодаря принадлежности к общему кругу.

Оперев локти о колени, женщина наклонилась к Ии и, понизив голос, призналась, что им, видимо, тоже придется вернуться. Соединив тонкие пальцы обеих рук на уровне груди (жест трогательной беспомощности), она стала объяснять звенящим и срывающимся девичьим

голосом, что деньги, которые муж выручил три года назад от продажи бизнеса и квартиры в столице, сжегши за собой мосты, уже подходят к концу, а начать зарабатывать здесь так и не удалось. В ее тоне сквозили сразу отчаяние и стоицизм. Очень сложная бизнес-среда. Низкая норма прибыли. Высокая конкуренция. Низкая покупательная способность у местного населения. Они все сделали правильно: принялись изучать язык, поступив на городские курсы для экспатов, стали общаться с местным населением, но здешнее общество только на первый взгляд казалось открытым. Она даже пыталась заняться копирайтингом. Ия поняла, что собеседница даже не представляет себе, как здесь можно заработать написанием текстов, да и в принципе не было похоже, что та считает себя способной внести вклад в семейный бюджет.

Ия встала из-за стола и пошла вглубь галереи, чтобы поприветствовать хозяина. Он прислонил к спинке кожаного дивана швабру (Ия привыкла видеть его здесь со шваброй или молотком в руке, как подругу протирающей бокал бумажным полотенцем). Присел на подлокотник дивана, поймал обеими руками ладонь Ии и заговорил с мольбой, торопливо и без предисловия, глядя снизу вверх, как будто надеялся найти в ней единственного заступника:

- Она бросила своего спецназовца. Полковника. Он разозлился, пришел сюда, здесь как раз собрались все, и сын, и друзья, и даже был ее заказчик с последнего объекта. И он заявил при всех, что отец ее сына – не я. Так он решил отомстить и ей, и мне разом. Оказывается, она раскрыла эту тайну всем своим любовникам. Все, с кем она спала, знали, что я ращу не своего сына. Один я ничего не знал. Всем стало страшно неловко, и они тихо разошлись. Сын вскочил и убежал куда-то. Я тоже вышел, спустился на стоянку, сел в машину и стал ждать ее. Она пришла, и мы опять начали ссориться. Мы деремся довольно часто. Она говорит, что я не должен вмешиваться, потому что это ее личная жизнь. Но ты не можешь себе представить, как мне бывает больно, когда она получает от него в мессенджере его голую фотку, и ее лицо начинает светиться радостью.

Она закричала, что я не мужик, и вцепилась мне в волосы. Я ударил ее локтем по лицу, и у нее из носа пошла кровь. Она нимфоманка! У нее тяга к саморазрушению! Сын не может это переварить, ушел жить к моей матери. Я говорю ей, пойди к матери, поговори с ним, мальчик переживает. Я так понимаю, она должна подтвердить? Или опровергнуть? Сама. Невозможно жить в такой неопределенности. Но она говорит, что он уже взрослый, и для него это не имеет значения. Как это может не иметь для кого-то значения?!

Это была откровенность отчаявшегося человека. Они стояли на мостике над четырьмя этажами и смотрели вниз на эскалаторы, на фонтан под ними и головы посетителей. Он говорил и говорил размеренно и монотонно, будто зачитывая с листа список ущерба, не поднимая на Ию глаз и не требуя реакции:

- Она все время упрекает меня, что я мешаю ей делать бизнес. Знаешь, все это мое (он обвел глазами галерею), но у меня никогда нет денег. Иногда мне не на что пообедать. Она продает мои картины, а деньги тратит на свои безумные прожекты. Те двадцать тысяч, которые финн заплатил мне за «Подвешенных», до последнего цента ушли на участие в гонконгской ярмарке. Она сняла для нас в шикарной гостинице дорогой двухместный номер с видом на сити и огромной кроватью. Она решила, что места на ней хватит троим, и позвонила этой своей новой подруге, с которой пьет, которая подбивает ее на все эти безобразия. Которая продает скульптора Бергера. Сказала, чтобы она летела к нам, сэкономит на отеле. Та прилетела, они улеглись в постель, взяли с собой туда бутылку розе и бокалы и стали болтать. Сказали мне, что

я не должен слушать их тайны, что я лишний. Мне не оставалось ничего другого, как взять одеяло и пойти ночевать в ванную. Я спал прямо в ванне, больше там негде было улечься.

Утром они отправились завтракать вдвоем. Меня, конечно, не взяли, потому что номер двухместный, и я лишний. Столы ломились от невообразимой экзотики, они предавались обжорству два часа, задавшись целью перепробовать все эти блюда, и слали мне их фото, а в номер мне принесли только яблоко и яйцо. Скажи, почему она меня унижает? Потому, что я не хочу никого, кроме нее? Потому, что я не могу ей изменять? Я хотел уехать в Лондон к сестре, но не уехал, остался с ней, потому что родился сын. Жил бы сейчас в Лондоне, если бы вовремя узнал. Теперь уж что, теперь поздно.

А Ия, оторопев, не находила, что ответить, кроме короткого: «Вам срочно нужно расстаться!» Но она понимала, что эти двое уже не могут строить разумных планов, и этот корабль, этот резервуар гнева, ненависти и боли, коим являлась в данный момент их семья, будет полыхать открытым пламенем и взрываться у всех на глазах, пока не пойдет ко дну вместе со своими узниками.

Часть III - лингвистическая

С отъездом детей, в сентябре, время кончилось. Пространство съежилось до размеров опустевшей квартиры и разве что еще берега реки, купание в которой этим жарким летом превратилось из нечаянной радости в рутинный утренний ритуал вроде предшествующих ему упражнений. Делать гимнастику Ии приходилось заставлять себя ежедневно, несмотря на многолетнюю привычку, но, пропуская ее, она всякий раз чувствовала сильное беспокойство. Утренние ритуалы: стакан горячей воды натошак, кормление собаки, гимнастика, заваривание кофе в джезве, неспешный завтрак, выгуливание собаки по одному и тому же маршруту, купание в реке и, наконец, венчающая все это вторая чашка кофе – наполняли первые три часа Ииного дня смыслом, удовольствием и покоем. Но когда чашка пустела и Ия вставала из-за стола, программа кончалась. Она принималась растерянно бродить по квартире, и перед ее внутренним взором снова пламенел неотступный, как «мене, текел, фарес», вопрос: «Чего ты хочешь? Чего ты хочешь прямо сейчас?»

Незадолго до часа икс новая жизнь начала пробиваться к Ии внезапными вспышками ощущений. Она сидела с сыновьями в кафе - в последний раз втроем, и вкус еды был особенно интенсивным. Зеленые кожистые листья тропического растения вызвали у Ии мощную синестезию, она почти осязала их. Мелькнула даже шальная мысль, не ждет ли ее путешествие на Бали. Травелог. Ей стоило бы отправиться в путешествие и написать книгу путевых заметок. Эти вспышки ощущений, сочащихся наслаждением, грозящих, стоит отдаться им, утратой контроля над жизнью, пробивались все чаще сквозь навязчивое стремление выстроить новую жизненную стратегию («Как ты хочешь, чтобы сложилась твоя жизнь?»). Ия понимала, откуда они приходят. Из глубины подсознания поднимались, пока еще смутные, сигналы о том, что чувствовать больше не опасно.

Но задолго до того, как дети покинули ее, Ия понимала отчетливо и ясно, что жизнь ее совершенно и необратимо изменится с их отъездом не столько внешне, событийно, сколько внутренне, по смыслу. Потому что при близком рассмотрении даже горячо любимая работа оказалась всего лишь удачным ответом на остро стоявший когда-то, а теперь утративший актуальность вопрос: «Как я хочу зарабатывать на содержание детей». Во время своей летней командировки в столицу страны за северной границей она ходила по старому городу и пыталась

прозреть будущие контуры новой жизни. Ия представляла себе себя странствующим писателем, номадом, кочующим по гостиницам мира и стучащим по клавишам нетбука в случайных кафе.

Старый город и исторический отель недалеко от его северных ворот, в котором она сняла тесный бюджетный номер, были прекрасной декорацией для разворачивающейся в ее воображении мечты. Нарочито грубая штукатурка на древних толстых стенах, бархатные драпировки, дорогая немецкая сантехника, лазурная смальта с золотыми лилиями на полу и стенах душевой, почти полное отсутствие вентиляции при тридцатиградусной жаре. Только выходящее в коридор окно, которое невозможно было не держать открытым круглые сутки. Из-за этого окна в номере Ии чувствовалось постоянное присутствие посторонних. В этом номере, сидя за массивным письменным столом на краю двуспальной кровати (стул стоял рядом, он не входил между кроватью и столом, комната была обставлена крайне неразумно), Ия по вечерам после всех интервью писала книгу.

Ия рассчитывала, что это будет последняя двойная командировка, поскольку с сентября больше никто не сможет присмотреть за собакой, но редактор уломал еще на одну. Ия долго ловила нужный момент и, наконец, договорилась со старшим сыном, что тот завернет на пару дней домой по дороге из Лондона в Санкт-Петербург. Он должен был прилететь ночью, а рано утром Ия отбывала на автобусе. Поздно вечером, за семь часов до ее отъезда, сын сообщил в семейном чате, что опоздал на самолет.

Она переключилась в режим экстренного функционирования. Проблема крылась отчасти в самой собаке: та была крайне недоверчива. Ия поднялась этажом выше и робко позвонила в дверь соседки, которую собака любила, потому что та часто приносила ей кости. Никто не открыл. Видимо, соседка уже легла. Несколько лет назад в квартире этажом выше, такой же просторной, как квартира Ии, жила семья из пяти человек. Потом муж соседки умер от скоротечной пневмонии, разъехались по границам дети и, наконец, переселилась в дом престарелых, совсем рассорившись со снохой, свекровь, а там и скончалась спустя пару месяцев от сухой гангрены. В большой пустой квартире соседка чувствовала себя неуютно в одиночестве. Ия не стала упорствовать и спустилась ни с чем. Попыталась дозвониться до подруги, которая как-то обмолвилась, что рада будет провести пару дней вне постылого дома. Но у той был отключен телефон.

Ничего не оставалось, как набрать номер приятеля. Ия знала, что тот еще не спит и будет рад увидеть на экране ее имя. Ия знала также, что ее благодарностью он впоследствии постарается воспользоваться каким-нибудь неприятным ей способом. Другая загвоздка состояла в том, что приятель и собака недолюбливали друг друга. Он – по причине ее шумной на него реакции, он вообще с трудом переносил громкие звуки. Она же чувствовала его неприязненную брезгливость и заливалась от этого еще пуще. Однако приятель сразу и безоговорочно согласился приехать назавтра вечером в другой конец города и позаботиться о псине. «Не ради собаки, - сказал он, - а ради тебя».

Но Ии почему-то показалось, что именно возможность позаботиться об истеричной и подозрительной сучке, раздражающей его сварливостью, но не способной без его заботы обойтись, больше всего и обрадовала его. В сущности, они были похожи друг на друга. Ия представила себе, как он станет выманивать собаку из дальнего угла, в который та имела обыкновение забиваться в любой угрожающей ситуации, цеплять к ошейнику поводок и тащить

ее, упирающуюся, наружу под осуждающими взглядами соседей. Она посоветовала приятелю прихватить с собой сардельку и попытаться купить расположение псины, однако уверенности в успехе этого предприятия у нее не было. Так или иначе, в шесть утра Ия выдвинулась на автовокзал, бросив в почтовый ящик ключ от квартиры.

Пространство будто мстило Ии за то, что та отправилась в путь вопреки обстоятельствам, чиня ей всяческие каверзы. Как только она вошла в автобус, раздался запах рвоты. Это был транзитный автобус, маршрут которого пролегал через три европейских столицы, и Ия зашла в него посередине пути. Она вошла в среднюю дверь, а билет купила во втором ряду от лобового стекла на втором этаже. К счастью, запах до ее кресла не доносился. Интернета не было, планшеты с кинофильмами не работали. В кофейном автомате закончились бумажные стаканчики.

Ии необходимо было перекусить между ранним завтраком и обедом в пункте назначения. Она планировала купить сэндвич в киоске автовокзала в городке, в котором была запланирована единственная промежуточная остановка длительностью не более пяти минут. На въезде в городок автобус подрезал дешевый корейский автомобиль. Его водитель был очень пожилой мужчина в кроксах поверх бурых шерстяных носков, старом пиджаке с салными лацканами и коричневых брюках, пузырявшихся на коленях. Он опирался на белый полукостыль, стараясь разгрузить левую ногу. Под длинным козырьком черной бейсболки блестели линзы очков в прочной темной оправе, такие толстые, что сверху Ия не могла разглядеть сквозь них его глаза. Типичный сельский житель. Он выглядел таким старым и дряхлым, передвигался с таким трудом, что Ия поначалу и не угадала в нем водителя довольно нового автомобиля – решила, что старик просто оказался случайно в момент аварии тут же на остановке общественного транспорта и согласился освидетельствовать происшествие от избытка свободного времени.

Впрочем, сначала Ия не заподозрила и аварии в нештатной остановке автобуса, она просто сидела на своем втором этаже, смотрела в лобовое стекло и ждала, когда автобус, наконец, двинется. Время интервью в министерстве назначалось с запасом, но Ия уже слегка волновалась. Вслед за турецкой группой, рассыпанной по автобусу, наружу выскочили юные турчанки с переднего ряда, непринужденно клавшие ноги в конверсах на лобовое стекло (их черные у корней волосы, по всей длине медного оттенка, несли следы не слишком успешного обесцвечивания). Ия, наконец, заинтересовалась происходящим внизу и спустилась спросить у шофера, когда он намерен тронуться в путь, а заодно и поглазеть на поломку и ее виновника.

Поломка была пустяковая, но полиция заставила ждать себя полчаса. Затем четверть часа составляли акт. Когда Ия поднималась обратно в автобус через среднюю дверь, заметила в кресле у прохода толстую девушку в синих брюках для джоггинга с белесыми следами рвоты на ляжках. Девушка выглядела несчастной.

Выбившись из графика, водитель отказался от пятиминутной стоянки на автовокзале. Ия не смогла купить сэндвич в киоске и мучилась голодом. Списала на голод начинающуюся головную боль и пропустила первые признаки поднимающегося жара.

Ия поспешила на интервью прямо с автовокзала, наскоро пообедав в вокзальном кафе. Название отрезка большого транспортного полукольца (бывшей городской окраины), на котором

располагалось новое здание трех министерств, Ия сходу автоматически перевела как Южная Америка, по созвучию с оригинальным названием континента. И ошибочно: местный государственный язык не имел пересечений с романской группой. Улица называлась Большая Американская. Только что заселенное здание являло торжество северной архитектуры снаружи и дизайна внутри. Молодой чиновник тоже нес на себе признаки знаменитого здешнего дизайна. В этой стране дизайн пронизал все и всех, в том числе общественный дискурс и методы управления. Русский был родным языком чиновника, но сильно испорченным постоянным говорением на государственном. Здешние носители русского вообще выражались чрезвычайно тяжеловесными и противоестественными конструкциями, поскольку местный язык не принадлежал даже к индоевропейской группе.

В фойе висели картины, о которых чиновник с гордостью сказал Ии, что это выставка работ заключенных тюрем. Реинтеграция заключенных входила в сферу его ответственности. Ию удивило обилие абстрактных композиций. Это не отвечало ее представлению об эстетике архаических мужских сообществ. Потом она осознала ошибочность своих логических построений: возможно, это не заключенные научились производить на свет картины, а художники сели в тюрьму. Из ее знакомых художников в тюрьме побывали трое, один из них даже дважды, причем этот человек приходился ей родным дядей.

Ия сняла номер в историческом отеле на улице Длинной, ведущей от северных ворот к ратушной площади. Она шла параллельно улице Широкой, и только вначале немного изгибалась. Широкая тоже вела от северных ворот к ратушной площади, и на которой располагался исторический отель ее летней командировки. А также отель одной ее зимней командировки стоял прямо у северных ворот в точке соединения обеих улиц. Собственно говоря, нынешний отель располагался между этими улицами, то есть, имел выход на обе. На улицу Широкую он выходил напротив ее летнего отеля. На этот раз Ия позаботилась о том, чтобы в номере (маленьком и бюджетном, как и предыдущий) были большое окно и достаточно свободного места.

Ия решила сохранить верность северным воротам из-за того, что уже просчитала логистику и приобрела некоторый автоматизм, выходя на работу в направлении от них к ратушной площади и проходя сквозь них по дороге на автовокзал. Но сантименты тоже сыграли свою роль. Летом по утрам она шла на интервью по улице Широкой или по улице Длинной вместе с галдящей на всех языках толпой туристов от ворот к ратуше и дальше на юг. Моментами ее посещало нездешнее видение, будто ее обтекает толпа крестьян, заморских купцов и пеших рыцарей, для которых утром открыли ворота, и которые стремятся на ратушную площадь к началу ярмарки. Она словно проваливалась во временной сдвиг. Вечером, когда Ия возвращалась, уже неторопливо и расслабленно, в отель, галдящая праздная толпа текла в противоположном направлении, как будто спеша покинуть город до закрытия ворот. Наверное, большинство этих людей просто приезжали осмотреть достопримечательности на трамваях и троллейбусах из разных отелей за крепостной стеной, но так или иначе, город посредством своей географии спустя столетия неизменно воспроизводил себя в непрерывно меняющихся обстоятельствах жизни. Эта текучая неизменность зачаровывала Ию.

Когда Ия пришла в отель, жар уже полыхал вовсю. Она разрешила себе остаться в номере и лечь в постель, хотя планировала потратить свободное время последней командировки на бесцельные шатания по Старому городу. Но даже сам этот разумно и красиво обустроенный гостиничный номер и постель в нем доставляли Ии несказанное наслаждение, которое она испытывала

вопреки (а может быть, и благодаря) сильнейшей головной боли. Белая мебель и белая панель из досок с бежевым узором из плюща в изголовье узкой односпальной кровати, тюлевая пурпурная гардина с бегущим по ней бежевым плющом. За ней большое окно со старой, тщательно отреставрированной деревянной рамой, крашенной белой краской. Ия повернула бронзовую ручку, исконно принадлежавшую раме, потянула ее на себя и вдохнула свежий влажный воздух: только что прошел легкий дождь. Холодная бронзовая вещица податливо и знакомо легла поперек ладони и всколыхнула детские воспоминания о родительском доме. Окно выходило на стену из желтого кирпича, почти до верха оплетенную еще зеленым плющом (а выше красная черепица крыши, а выше полоска голубого неба). За белым бюро можно было вольготно расположиться на белом стуле с резной спинкой. Температура воды в душе регулировалась двумя хромированными крестообразными рукоятками, послушными даже легкому вращению кисти.

Всю ночь Ия то и дело просыпалась и вслушивалась в странные импульсы, посылаемые ей телом: в блуждающие ото лба к затылку и вниз вдоль позвоночника волны тепла, судорожные сокращения глотки. И в это ни с чем не сравнимое удовольствие, когда от полотенца, смоченного холодной водой, боль во лбу отпускала и тело расслаблялось. Тело, казалось, состояло из тяжелой и вязкой текучей субстанции, похожей на мед. Ия впадала в полузабытье, в котором ей снилась не таинственная брошенная квартира из ее юношеских снов с пыльными пустующими комнатами, а прекрасный гостиничный номер. Полотенце быстро нагревалось, несколько раз приходилось подниматься и смачивать его снова под краном в раковине. Потом жар спал. Ия почувствовала это по тому, каким легким вдруг стало тело.

Ия проснулась, оделась и обнаружила, что за ночь похудела – брюки сидели свободнее, чем накануне вечером. Слабость преследовала ее в коридоре и на лестнице, когда она вышла к завтраку. Еда показалась очень вкусной, Ия съела необычно много. За завтраком (еще не было и девяти) позвонил приятель и переспросил код от подъезда. Он приехал выгуливать собаку рано утром. Приехал по собственной инициативе, это было необязательно, поскольку к полудню уже прибывал сын. Приятель объяснил, что вечером выгулял собаку раньше условленного. «Она не дотерпит», - сказал он. «Она не дотерпит». Все же, он заботился о собаке. Это прозвучало по-семейному буднично, хотя их с приятелем отношения ничуть не напоминали семейные. Ии стало тепло и уютно на душе. Девушка за стойкой регистрации участливо выдала Ии две таблетки парацетамола, нашарив под стойкой собственный бумажник и вынув оттуда блистер. Ия вернулась в номер, запила таблетку водой из-под крана, снова легла и на оставшиеся до выселения часы упала в вязкий медовый сон - в белой постели с видом на зеленый плющ, освещенный солнцем и отделенный от Ии прозрачным воспаленным пурпуром.

Ия зашла в колониальную лавку за углом, благоухающую отдушками для чаев, и выпила свою первую чашку кофе, утопая в потрепанном кресле «филадельфия». Это было почти такое же кресло, какое стояло у нее дома в далекие времена. Она вспомнила и это кресло, и черно-белое нечеткое любительское фото, на котором в этом кресле сидела ее школьная подруга в тринадцатый день рождения Ии и протягивала ей яблоко. В альбоме под этим фото стояла подпись: «У нас дома в далекие времена». Это были времена, когда Ия запоем читала Фалладу из районной библиотеки.

Эмалированная белая джезва и эмалированная красная в белый горошек кружка на круглом столике ар нуво перед прилавком вызвали всплеск ложных детских воспоминаний. А утром

ложные воспоминания о Брюсселе пробудило лого ее отеля на коричневом картоне папки с перечнем платных и бесплатных услуг. Ия не позволила памяти обмануть ее и проверила названия всех отелей, в которых останавливалась в Брюсселе. Она не могла останавливаться в отеле этой сети, потому что такой не было в бельгийской столице, не было даже похожей буквы М, или похожего шрифта, или дизайна. Но что-то все же напомнило ей о первой командировке в Еврокомиссию девять лет назад. Зрительные образы тем глубже врезались тогда в память, чем больше она отгораживалась от ощущений, отдаться которым было в то время небезопасно. Теперь мозг, истощенный жаром, путался в накопленных образах и беспорядочно отпирал для Ии то, что когда-то нечаянно запер.

Весь день до вечера, когда отходил автобус, Ии предстояло провести в произвольных блужданиях по старому городу. Однако на деле в ее блужданиях не оказалось ничего произвольного. Ей не хватало сил на исследование местности. Она вышла из колониальной лавки, посмотрела в небо, затянутое облаками, и сразу свернула в знакомую джелатерию. В прошлую свою командировку, когда она обнаружила это заведение, ее удовольствие от прекрасного джелато с чашкой эспresso в жаркий день было слегка омрачено тем фактом, что она не знала, как попросить у бариста «одну порцию мангового». Девушка набирала мороженое широким шпателем в низкие бумажные стаканчики разного объема и разглаживала поверхность вровень с краями. За здешним джелато в жару выстраивалась небольшая очередь. Очередь подходила, а Ия еще не решила, как объяснить свои нужды бариста, и испытывала неловкость. Внезапно охрипшим и напряженным голосом сказала:

- Уан манго энд эспresso.

- Смолл? - уточнила бариста, и Ия поняла, что не угадала с подбором слов.

Теперь очереди не было, и взору Ии открылось меню на грифельной доске рядом со стойкой. Порция называлась здесь «скуп». Ия не нашла сходства шпателя с совком. Потренировалась про себя: «Уан скуп манго». Теперь она знала, что ответить бариста на ее «плиз». Та переспросила: уан скуп? Ия не считала, что ее произношение меньше соответствовало оригиналу, но снова испытала неловкость: может быть, она попросила слишком тихо?

Ия села за столик и раскрыла нетбук. Обнаружила, что заряд аккумулятора на исходе, встала и принялась искать розетку. Не вспомнив, как называется розетка по-английски, решила, что не проронит здесь больше ни слова. Бариста заметила ее метания и услужливо вышла из-за стойки, показывая рукой на место над плинтусом, где должна была располагаться розетка. Произнесла какую-то фразу по-английски, Ия не выделила ни одного знакомого слова. Теперь она забыла вообще все английские слова и решила не спрашивать даже пароль от вайфая. Тем более что собралась продолжить работу над книгой, а для этого не требовался интернет.

За соседним столиком сидел симпатичный мужчина в твидовой кепке-уточке. Рядом с ним сын лет восьми ел джелато, на стуле рядом стоял его школьный рюкзак. Мужчина не был похож на представителя местной титульной нации, хотя обратился к девушке за стойкой на титульном языке. Он носил свою кепку с изяществом выходца из какой-нибудь южно-европейской страны. И действительно, Ия вскоре заметила, что с сыном мужчина переговаривался попеременно на местном языке и на итальянском.

Иностранцы, которых было среди здешних посетителей большинство: тайцы, португальцы, испанцы и греки (летом и осенью жители юга Европы массово ринулись отдыхать на север, спасаясь от жары) делали заказы по-английски громко и непринужденно, ничуть не смущаясь,

что девушка за стойкой может их не понять из-за неправильного произношения. Вот подошла очередь немецкой пары, и женщина уверенно обратилась к бариста с сочным берлинским акцентом. Ия не хотела бы, чтобы девушка уловила ее русский акцент. Она стеснялась не того, что она русская, а что она, русская, плохо говорит по-английски. То есть, провинциалка. Состоятельные глобальные русские прекрасно владеют английским и много путешествуют. Самооценка Ии страдала от того, что список посещенных ею стран был короток. На мгновение она увидела людей, окружающих ее в кафе, глазами повидавшей мир немки. Все люди были одинаково дружелюбны, готовы прийти на помощь и абсолютно безразличны к ее произношению. Но это беглое перевоплощение не приблизило к ним Ию. Лингвистическая скованность была только предлогом. Ия не хотела общаться.

Пару часов отбарабанив по клавишам, Ия обнаружила, что доступ к вайфаю не запаролен. «Как часто люди внезапно оказываются безъязыкими» - думала Ия с жалостью одновременно к себе и к младшему сыну, славшему ей сообщения в чате. Тот стоял в это время в школьном коридоре совершенно одинокий, ожидая звонка на урок: не знавший ни слова по-французски учитель английского языка в младших классах во франкофонной стране.

Ия почувствовала, что засиделась на месте, и вышла из джелатерии. Но снаружи стал накрапывать дождь, похолодало, а действие парацетамола кончалось, и Ия решила не бродить по улицам, а просто сменить дислокацию и пообедать в другом заведении. Она имела в виду вполне конкретное заведение, - Ии было не до экспериментов, - тоже итальянский ресторанчик, в котором в прошлый свой приезд Ия ела дешевое панини с лосиной ветчиной. Однако из-за болезни топографический автоматизм отказал ей, и она заблудилась в улицах старого города, дойдя до западных ворот и выйдя наружу. Купила сливы в супермаркете и ела прямо из полиэтиленового пакета немытыми. По пальцам тек липкий сок. Это было не очень приятно.

Ия вернулась к ратуше. В галерее стоял юноша, в котором Ия издали предположила турка или магрибца, и наигрывал на гитаре под ритм-бокс фламенко нуэво. Перед ним на булыжниках лежал раскрытый чехол от гитары. Там лежали компакт-диски в картонных обложках, скрепленных степлером. На них фото самого музыканта с гитарой и надпись: Nasuh Iera. Вокруг собралась группа тоже, кажется, магрибцев. Парень закончил играть и объяснял им что-то по-английски. Рядом стояла повозка-лоток с миндалем, соленым и обжаренным в меду, девушки в средневековых платьях из театральной костюмерной громко и нарочито бесцеремонно зазывали покупателей.

Это место подходило уличным музыкантам. Летом рядом с продавщицами орехов пел среди многоязыкого гомона хор турецких детей разного возраста и роста, от десятилетних до почти взрослых парней и девушек. Ими, уместив рюкзак у ног, дирижировала плотная учительница в джинсах и с короткой стрижкой. В городе проходил фестиваль хоров, но это выступление было явной импровизацией. Рты хористы раскрывали не шире, чем если бы им понадобилось удержать губами куриное яйцо, и от этого образ брейгелевской ярмарки проступал еще настойчивей.

Дважды обойдя ратушу, Ия, наконец, нашла ресторанчик. Он выделялся среди окружающих заведений с их регулярным дизайном: его витрины и дверь, не более двух с половиной метров в ширину, были хаотично завешаны доверху постерами с панини, пастой и минестроне. Хозяин использовал каждый сантиметр доступной ему рекламной площади для громкого обращения к

проходим. У двери стоял еще и щит с рекламой блюда-локомотива: панини с ветчиной из лосятины. Владелец стоял у входа и громко приветствовал кого-то за спиной Ии: «Биенвенидо, сеньорес!» В прошлый раз Ия приняла его за итальянца. Теперь подумала, что, видимо, ошиблась: хозяин испанец. Самое дешевое блюдо в заведении – это панини с испанским «хамон де альсе».

Русская официантка безошибочно угадала в Ии русскую. Ия заказала минестроне. Ресторан - дешевое, несмотря на ратушу за углом, заведение, внутри был просторней, чем обещал снаружи его узкий фасад. В туалете, на уровне глаз человека, сидящего на унитазе, в кафельной стене имела дыра, аккуратно задрапированная половой тряпкой.

Хозяин по-английски заговорил с парой немецкий пенсионеров: откуда вы? Из Германии? «Ин Джермани айс? Колд из айс? Хайс? Хот? Айс из хайс?» Засмеялся. Видимо, это была дежурная шутка этого лета для немецких гостей. Немецкие гости засмеялись из дружелюбия. Ия, обернувшись к немцу, принялась объяснять, что хозяин – испанец: буква, с которой начинается немецкое слово, называется в испанском «аче» и не читается, отсюда и неудавшийся каламбур. Немцы удивились: так это испанский ресторан? Мужчина произнес «н» в слове «ресторан» с прононсом. Ия не осмелилась объяснить ошибку испанцу, почему-то вдруг усомнившись, что буква называется «аче».

До нее донесся разговор бариста и официантки за стойкой. Говорили по-русски. Они смеялись над чем-то, и он попросил ее: «Поговори на рома!» Ия ошиблась: официантка, которая ее обслуживала – не русская, а рома. Она подошла к Ии спросить, не желает ли та чего-нибудь еще. Ия заказала каноли. Официантка уточнила: одну? Ия опять смутилась: действительно, одну канолу. Каноли – это множественное число.

За дальний столик сели новые гости. Официантка подошла к ним и спросила: инглиш ор рашн? Ия подумала, что это необыкновенно лингвистически демократичное заведение. На родине она о таком не могла бы и мечтать. Никуда уходить отсюда не хотелось. Даже немка за соседним столом, заметила Ия, в разговоре с партнером произнесла несколько русских слов. Ее спутник тоже заметил здешнее языковое разнообразие. Он спросил Ию, говорят ли люди за стойкой по-итальянски. Она ответила, что те билингвы, но говорят, в основном, на русском. Затем немец спросил, местная ли Ия. Она сказала: нет, из соседней страны. Собеседник покачал головой, улыбаясь: для немца это почти одно и то же.

Ия подумала, что канолу она заказала зря, очень сладкая: если она ограничится в познании этого города одними ресторанами, ей станет дурно в автобусе.

Из-за лингвистического противостояния в этой стране, в котором позиция Ии была невыигрышной, город за пределами крепостных стен давил на нее. Языковая диспозиция вне туристической части сдвигалась в пользу местного языка, английский там был не в ходу. Поэтому ей в этот раз не хотелось (болезнь, слабость) покидать крепостные стены. Давление чужого языка и постоянное оценивание навыков владения им на родине, требование языковой лояльности заставляло ее с излишним вниманием относиться к лингвистической стороне жизни и не давало пользоваться чужим языком непринужденно. Это мешало ей (предполагала она) свободно путешествовать.

Если болезнь отпирала ощущения, язык, напротив, запирал. Внимание к точности выражения мысли вызывало избыточную рефлекссию, всегда с лингвистическим оттенком, провоцировало раздумья о языке как таковом и препятствовало ее вступлению в живое взаимодействие с

людьми. Она испытывала смутное чувство вины, если не могла ответить человеку на его родном языке, если ошибалась или не понимала, и поэтому со временем стала избегать ситуаций, в которых ей пришлось бы говорить на неродном языке, даже если владела им хорошо, даже если любила.

Это происходит сплошь и рядом в мире, думала Ия с грустью, переписываясь с младшим сыном: в его магрибской стране пребывания берберы, составляющие почти половину населения, не могут учить своих детей на родном языке в школах и обращаться на нем к чиновникам. «Погоди-погоди, - писала Ия, - Википедия говорит нам, что берберский в твоей стране является государственным». «Но в школах его не преподают, - отвечал сын, подпирая стену школьного коридора, - и в полицейском участке, в котором я запрашивал residential permit, бумаги принимают только на арабском и французском». «Подозреваю, что берберов не существует, - одновременно писал Ии приятель со свойственным ему пафосом бескомпромиссного мифоборца, - это туристический миф для рекламы магрибского направления». «Пусть он расскажет это моему директору, который бербер», - запальчиво парировал в чате сын. «Амазиги» - поправлял Ию какой-то фейсбук-френд.

Хозяин все же оказался итальянцем из Калабрии. Немец выяснил это у него сам, а потом поделился открытием с Ией, уточнив: «Это на самом юге, в носке сапога» - и нарисовав пальцем в воздухе итальянский «сапог». Калабриец играючи жонглировал языками: с родного переходил на испанский, затем на русский, английский и местный. Когда Ия покидала заведение, он попрощался с ней: «Ауф видерзейн!». «До свидания» - с укором ответила Ия: не угадал.

Ия вышла из ресторана и направилась в сторону трамвайной остановки за северными воротами. Трамвай должен был довезти ее до автовокзала. Но ливень заставил свернуть еще в одни двери. Случайно это оказалась кондитерская в лобби покинутого несколько часов назад отеля. Нетбук нашел знакомую сеть. Ия чувствовала, что жар возвращается. Нужно было выпить вторую таблетку парацетамола. «Чай, пожалуйста. Нет, «чай», а не «ти». В вашем меню присутствуют оба напитка. Хорошо, пусть будет просто чай. Ия, обжигаясь, запила таблетку. Русская официантка пересказывала бариста суть возникшего между ними недоразумения на государственном.

Командировку за юго-западную границу Ия уместила в один день. Она возвращалась домой из нее в первом ряду второго этажа, прямо перед лобовым стеклом, там, где по дороге на север сидели турчанки, и на нее несло грозовое небо, смыкая за ее спиной горизонт. Картина менялась так стремительно, словно Ия сидела перед трехмерным компьютерным симулятором. Плотное ватное облако, подсвеченное косым солнцем, сияло бледно-желтым, его на Ию гнал сильный встречный ветер, а под этим облаком в контражуре с еще большей скоростью расплзалось еще одно, темное, рваное, постепенно теряя очертания. Через час солнце зашло, но картина не стала менее захватывающей: за иссиня-черной полосой леса, почти закрытое им, тяжело придавленное сверху серо-синей тучей, нависшей ровно вдоль всего горизонта, светилось розовым золотом ТАМ: тонкая полоска вдоха, пространства свободной воли между жерновами обстоятельств, едва видная и постепенно исчезающая. Ия нащупывала смутный образ нездешних далей, нездешности, который был ей знаком откуда-то, и из памяти явилось слово: «Беловодье». Последняя надежда на спасение. В окно бешено хлестали струи дождя, разбиваясь о стекло прямо перед ее лицом, заставляя Ию инстинктивно отворачиваться и задерживать дыхание, напоминая, что нет укрытия, нет покоя, нет защиты на земле.

И тут Ии вспомнилась другая дорога домой. Она покидала этот город несколько лет назад примерно в то же время, в день ее рождения. Третий прохожий из тех, что взялись объяснять ей путь к автовокзалу, сказал:

- Идите прямо и дойдете до Святых ворот. Пройдете под арку и там тоже прямо до конца. А там спросите. Это у вас займет полчаса.

До отхода автобуса оставалась четверть часа, не больше - смотреть на часы было некогда и страшно. Ия почти бегом припустила в указанном направлении. Эта пешеходная улица в старом городе напомнила ей окрестности ратушной площади в Брюсселе, она хотела бы прогуляться по ней не спеша, но бежала стремглав, едва успевая оглядываться по сторонам. Прямо перед Святыми воротами со знаменитой на весь мир иконой богородицы ее застиг звонок диспетчера. Паломники ползли когда-то к этой иконе на коленях по булыжной мостовой, в кровь стирая кожу. Ия даже не подняла на нее взгляд.

- Это из автобусной компании. Вы зарегистрировались на шестичасовой рейс. Автобус сейчас отходит.

- Девушка, дорогая, я у Святых ворот, если я буду догонять автобус на такси, где я могу с ним пересечься? – Ия, включив самый убедительный регистр своего голоса, уже оглядывалась в поисках такси.

- На остановке «Поликлиника». Он остановится там минут через пятнадцать - двадцать, но ждать вас не станет.

Ия бросилась к такси. Водитель ждал клиента-иностранца, но пал перед ее напором и повез на поиски свободной машины. Он сам посадил ее в машину к коллеге, они поехали сначала к банкомату, Ия уронила сумку, замешкалась, собирая вещи, минуты бежали, машина стояла в пробках, наконец, добрались до поликлиники. Желтого междугороднего автобуса с черной полосой не было. Понеслись догонять его на трассу, миновали границу города, проехали отель «Виллон», в котором накануне на инвестиционном форуме Ия брала интервью у праправнучки Железного канцлера, погнали машину дальше, темно, автобуса впереди не видно, Ия сказала:

- Поворачиваем к «Виллону».

Таксист развернул машину, понеслись обратно к городу, по пути напряженно всматриваясь в темень встречной полосы. Вот автобус, цвета не видно. Не тот. Снова не тот. Развернулись на развязке возле «Виллона».

- Догоняем? Ваше решение...

Ия ответила:

- Едем в отель.

На пути большой «Парк Инн», забит под завязку. Ия нервно косилась на счетчик. Еще один отель. Мест нет. Кто бы мог подумать, низкий сезон. Третий по счету отель, мужчина за стойкой соглашается сдать ей двухместный по цене одноместного.

Ии выдали ключ, пульт и листок с паролем от вайфая. Она поднялась на третий этаж, оставила в номере вещи и пошла покупать бельгийское пиво. Ночной портье открыл ей бутылки большими ножницами. Интернета не было. Ия разделась догола, забралась в постель и включила

телевизор. И увидела французский балет. Эта завораживающая мистерия вызвала у нее священный ужас. Она ни за что не включила бы это дома. Потрясение – вот точное обозначение состояния, в котором можно воспринимать мистику. Ию бросало из досады в эйфорию, из эйфории в гнев. Она только что, попав в непредвиденную ситуацию, обнаружила в себе два противоречивых чувства: стремление настоять на своем и желание наслаждений. Упрямство гнало ее в такси по темной трассе вслед за уехавшим от нее автобусом. На нем Ия должна была сейчас возвращаться домой, к детям, которых она на завтра задумала вести в ресторан праздновать свой день рождения - потому что она так задумала. Гедонизм заставил ее с легкостью отказаться от своего намерения, потому что на самом деле она хотела в отель, и хотела быть там совершенно одна.

Ни одно из этих действий не являлось достаточно рациональным. Рационально было бы бежать на автовокзал, с которого, возможно, она бы еще уехала домой последним автобусом, потеряв деньги только за один рейс. Это обошлось бы значительно дешевле, чем напрасная погоня за автобусом на такси. Будь она спокойна и уравновешена. Пойти на поводу у своего желания по доброй воле, в состоянии спокойной уравновешенности Ия не могла.

Теперь, в дешевом мотеле, стоящем у окружной, в бюджетно-минималистском интерьере нового, с иголки, просторного номера, еще пахнущего обояным клеем, ее бросало из гнева в экстаз, и снова накатывал гнев. И демиург Маги Марен в черной раме плоского экрана громоздила из квазиобнаженных квазичеловеков мистику, рождавшую в Ии ужас божественного. Рядом на голой стене телесного оттенка белела прямоугольная рама зеркала, в котором была Ия. Ия прищурилась, напрягая глаза. Протянув руку за бутылкой, неловко разбрызгала по столу пурпурное плотное пиво, божественный, божественный напиток, пахнущий свежей малиной, от которого слегка пощипывало в треснувшем уголке губ. Черный прямоугольник экрана, белый прямоугольник зеркала. В обоих двигалось изображение. И оба изображения шокировали наготой.

И вдруг Ия вспомнила, что двадцать лет назад, потеряв надежду нагнать автобус, она, ни минуты не колеблясь, осталась бы на ночной трассе и подняла бы руку, голосуя.

Была ли Ия на самом деле гедонисткой? Отнюдь. Привычные стимулы любителей наслаждений ее утомляли. Ее тело самопроизвольно реагировало взрывами ощущений, экстатических или мучительных, или экстатически мучительных, на любые изменения пространственного положения.

Постепенно текст Ии распухал, начинал жить собственной жизнью и настоятельно требовал фабулы. Она писала о себе, и ее напряженные поиски самой возможности перемен в жизни превращались в поиски сюжета для книги. Напряжение снова сместилось, превратилось в творческий поиск, и собственно жизненные события, их реальную ткань Ия стала воспринимать с благосклонностью и теплотой, позволив мозгам самостоятельно трудиться над книгой.

- Нет, я не буду печатать вашу книгу. Повесть, которую вы опубликовали в журнале, я проглотил залпом. У меня даже глаза заболели. Это так современно! Признаться, я опасался, что ваше второе произведение будет уже, чем первое. Но оно оказалось шире, куда шире, начавшись с этой женской тематики, линии, хозяйство, отношения, оно раскрывается, раскручивается на

весь мир! Я даже готов поверить, что человек может все это пережить сам. Мне знакома эта тема. Я считаю, что об этом нужно говорить, об измененном состоянии сознания, о веществах, я сам имею опыт их употребления. Ну что вы говорите, как это можно испытать без веществ, я в это ни за что не поверю. Раньше я предпочитал псилоцибины, и думал, что они лучше травы. Теперь, признаться, думаю, что трава лучше. Но вторую часть я осилил уже с трудом. Вы там пишете о Пуне. Я был в Пуне, в ашраме у Ошо. Да, на самом деле, все видел сам, мне неинтересно. А должно быть интересно. А третью часть... Этот спецназовец. Мне кажется, что я это где-то уже читал. Я сам служил в спецназе, не кадровым офицером, срочником, но мне это все знакомо. Знаете, эти люди, они бывают совершенно сумасшедшими, совершенно...

Ия была благодарна владельцу небольшого издательства, который предпочел поговорить с ней по мессенджеру, а не писать, даже за отказ. Писать э-мейлы в издательства в качестве автора было совершенно другим делом, чем, скажем, запрашивать интервью у издателя для газеты. Никто не отвечал. Абсолютно. Не отвечали даже те, к кому Ия обращалась по рекомендации. Она чувствовала беспомощность и теряла веру в себя. Это был новый и неприятный опыт коммуникации:

«Уважаемая XXXX!

Мое произведение уникально тем, что содержит богатый полевой материал: реальные исповеди людей. Я разыскивала их сама, что не составило большой проблемы в силу неожиданной распространенности явления, и брала у них интервью, что было сопряжено с большими трудностями, поскольку данный опыт упорно сопротивляется вербализации, в частности, потому что сам по себе является травматическим. Я хочу обратить внимание общества на быстрое изменение личного восприятия: его формы ан масс перестают соответствовать не только зафиксированным нормам, но и возможностям языка описания, и вследствие этого нуждаются в поисках нового языка. Роман относится к жанру докуфикшн, и в нем отсутствует сквозная сюжетная линия. Это исследование судеб героев, обусловленных стратегией описания ими своего опыта, поиски более удачного способа его описания. Текст во многом рекурсивен и рефлексивен, обращен к самому себе».

Вдруг Ия поняла, что трагедия, постигшая ее приятеля, о которой она говорила, что не смогла бы такое пережить, совсем не трагедия, а наиболее для него благоприятный расклад. Кража ноутбука перечеркнула все его планы, угробила текущее дело жизни, однако надежно оберегла от провала – пора было уже довести книгу до финала и слать какому-нибудь издателю, ждать ответов, отказов, отзывов. Его решимость начать все сначала объяснялась просто: сам процесс написания поддерживал в нем и чувство осмысленности жизни, и чувство причастности к истории, важности его личности, и наслаждение поиска, а, кроме того, давал возможность слушать, стоически морщась и потирая грудь в области сердца, вполне справедливую похвалу собеседника: «Какой вы мужественный человек! Я бы такого не пережил».

Гуляя с собакой у большого лесного кладбища недалеко от озера, Ия увидела необычную двойную могилу на его краю, у металлической сетки забора. Черные мраморные памятники были обращены наружу, лицом к человеку, проходящему мимо кладбища. Нетипичным для местного пейзажа (рядом стоял кирпичный немецкий склеп конца позапрошлого века, романтические руины) казался и роскошный мрамор надгробий, и большие цветные фотографии, нанесенные на это мрамор. На одной молодая женщина опиралась на ствол дерева на фоне зеленой травы и голубого неба. На другой молодой мужчина сидел в позе лотоса, медитируя. Имена и фамилии, выбитые на памятниках латиницей не в местной, а в

международной транскрипции, позволяли заключить, что погребенные здесь были выходцами из Средней Азии. Но больше всего Ию удивила арабская вязь на надгробии мужчины. Она вошла в калитку и приблизилась к могиле, чтобы рассмотреть даты рождения и смерти. Оба были похоронены в прошлом году, девушка на месяц раньше мужчины. Какие-то смутные воспоминания зашевелились у Ии в голове: кажется, она слышала или читала в прессе про эту пару. Кажется, они покончили с собой.

Вдруг она услышала окрик. В паре десятков метров от нее стоял кладбищенский сторож.

- Эй, ты! Да-да, ты, иди сюда!

Она не сдвинулась с места. Он подошел сам.

- Будешь там еще шариться, ты со своей собакой, слово даю, застрелю и твою собаку. И тебя.

Ия внимательно оглядела мужчину в длинной куртке из черной свиной кожи и с изуродованными шрамом губами. Она не поняла, где он носит то, из чего собирался ее застрелить. За пазухой? Имеет ли право кладбищенский сторож носить оружие? Она попросила было показать, он не понял, и она не решилась переспросить, кто знает, чего от него ожидать. Просто кивнула и пошла, стараясь не обращать внимания на привкус страха и досады. Ия понимала, что в одежде для прогулок с собакой не внушает мужчине уважения. Но позабавила мысль: человек собирался ее убить, чтобы поддержать порядок на кладбище.

Придя домой, бросилась к нетбуку. Гугл подтвердил ее догадки. В прошлом году оба действительно выбросились из окна своей квартиры в одной из многоэтажек соседнего спального микрорайона. Он был в своей стране эмиром коранитов, отрицателей сунны, она – его гражданской женой. Писали, что она носила ребенка и лишилась его, не смогла оправиться от депрессии и прыгнула вниз. Он последовал за ней через месяц, прыгнув из того же окна. Его отец был когда-то вице-премьером в своей стране. Пару лет назад его направили служить послом в нескольких балканских странах. В начале прошлого года он вышел на пенсию. Писали, что и у отца, и у сына была недвижимость в ее городе и вид на жительство в ее стране.

Ию удивил и опечалил тот факт, что на родину молодых хоронить так никто и не увез. Что могло заставить отца отказаться от такого намерения? Ей в голову пришла единственная уважительная причина: отец сам неприкаян. Она поделилась этими мыслями в Фейсбуке, и журналист из их среднеазиатской страны подтвердил, что отец, некогда политический тяжеловес, ныне впал в немилость и сам покинул родину. Просмотрев реестры, Ия узнала, что отец унаследовал фирму сына с пророческим названием Afterfall, в последние три года убыточную, и основал в ее стране фонд памяти сына. Могила ухожена. Значит, он тоже здесь.

Ия видит мертвую белую собаку, снятую на улице в Касабланке с высоты третьего этажа. Она лежит на бетонных плитах тротуара под нависающим над ней вторым этажом дома напротив, и никто не убирает ее. Мимо проходит мужчина, потом женщина в длинной цветастой абайе и хиджабе цвета фуксии. Потом ролик кончается.

Ия видит лондонских клерков, шумно отмечающих конец рабочей недели в уличном кафе ранним пятничным вечером. Она не знает, отправятся ли они дальше гулять по барам и напьются ли к концу ночи, потому что ролик очень короткий.

В Касабланке хлещет ливень.

В Касабланке снова солнце.

У подножия гор на окраине Агадира пасутся козы.

По океанскому пляжу дурашливо скачет большой гладкошерстный пес. Он догоняет волну, когда та откатывается от берега, а потом волна догоняет убегающего от нее пса.

На площади Сан Марко дождь.

По газону кампуса университета Жюль Верна прыгают кролики.

Там, где сейчас находится Ия, ничего важного не происходит. Все, как всегда. Каждый день она ходит гулять с собакой и купается в реке. Это недостаточно интересно, чтобы писать об этом сыновьям. Но каждый божий день она видит невыносимую, душу изматывающую красоту на расстоянии вытянутой руки. Если бы хоть вполтину столько наслаждения Ия испытывала от человеческого общения, сколько от уединенного созерцания природы. Этот призрачный серебристый свет, длинные тени, эта медная и пурпурная роскошь, с каждым днем падающая вниз, вниз, к земле, сухие остовы трав со скорбно поникшими соцветиями, это бескрайнее воинство камыша, бесконечные прямые солдаты, слегка клонящиеся по ветру, а кажется, навстречу ветру, чтобы выстоять, не полечь, глиняное китайское войско. Солнечные блики, два горящие холодным слепящим магниевым светом костра посреди реки, откуда они там, почему горят так яростно? И розовый цветок шиповника, последний, совсем не осеннего свежего, радостного цвета, полного надежд, с таким по-летнему душистым ароматом, на темном шипастом стебле цвета свернувшейся крови.

Коллега пригласила Ию провести вечер в компании. Ия ответила привычно, уже не жалуясь, а извиняясь:

- Я стала совершенным отшельником, извини. У меня развивается форменный Аспергер. Не выношу человеческого общества.

Коллега была по образованию врач. Она ответила:

- Это не Аспергер, дорогая, а обычный невроз. Но все же я для успокоения записалась бы на твоем месте на прием к психиатру.

Ия попыталась представить себе диалог с психиатром:

- На что вы жалуетесь?

- Мне становится плохо в обществе людей.

- Вы хотите проводить время в обществе людей?

- Нет.

- Это мешает вам делать то, что вы задумали?

- Нет.

- Вы несчастливы?

- Нет.

- Так в чем проблема?

Перемены были не нужны. Дальние страны не нужны. Не нужен сюжет. Ия завтракала в полной тишине. Брала в правую руку тонкий ломтик чеддера, в левую - тонкий ломтик груши и откусывала маленькими кусочками попеременно от того и от другого. Иногда брала левой рукой кусочки подсохшей и оттого крошившейся чиабатты. Еда, когда ешь ее руками, особенно вкусна. Ия была абсолютно счастлива. Время застыло сосновой смолой, и Ия была внутри.

Эпилог

Ровно половину Ииной жизни назад, в 92-м, Ия с юношей Абликимом жила на сквоте в Свечном переулке. У них была половинка складного дивана, и они уместались на ней вдвоем. А до этого был только походный спальный мешок, одноместный, и в нем они тоже уместались. Каждое утро в семь часов Абликим вставал и уходил в магазин на Марата. Он приносил два пакета молока, бумажных, в форме призмы, выливал все в большую белую эмалированную кружку, сыпал в молоко маленькую пачку краснодарского чая и соль и варил эткен чай. Откуда-то у них имелись электрическая плитка и электричество, но батареи уже были выломаны сборщиками металлолома. Абликим тосковал по горам. Он медленно пил чай с солью и молоком и сосредоточенно рисовал пастельными мелками на паркете.

Ия сидит в модной чайной и пьет чай по-тибетски, сваренный с молоком, солью и маслом гхи на зеленом пуэре. Она не уверена, что правильно. Его приготовил Ии младший сын на плитке за бамбуковой занавеской, он в этом деле неопит. Что-то в бюрократических кабинетах пошло не так, и он вернулся из своей Касабланки домой. Теперь он работает здесь. Ия понимает, что временно. Перед Ией стоит пара. Одеты как серферы. Девушка мускулистая, в маорийских татуировках от шеи до икр, татуированы внутренние и задние поверхности бедер. Входит еще один юноша и спрашивает:

- У вас есть пуэр 92-го года?

- 99-го, - поправляет его хозяйка.

- Какая разница? - спрашивает юноша.

- Большая, - отвечает хозяйка, - вот я миллениум помню, а 92-й с трудом. А вы?

Юноша не может помнить 92-й.

- А что за чай, миллениум? - спрашивает он.

- Миллениум - это не чай, - отвечает хозяйка, - миллениум это год.

Ия пьет зеленый пуэр с молоком, солью и маслом гхи и читает книгу под названием "Долгая дорога домой", которую взяла с полки. Она читает: "Континуум не четырехмерен, существуют не менее восьми ортогональных направлений..." Хозяйка говорит ей:

- Сначала мы торговали чаем и книгами. Потом чай вытеснил книги.

Ия едет домой. Перед ней на лобовом стекле автобуса закрываются и раскрываются длинные дворники. Голос за ее спиной произносит слова: "Американцы, дьяволы, придумали компьютеры. Наркотик ведь, чистый наркотик..." Красные габаритные огни автомобиля, едущего впереди, отражаются в потоках воды на асфальте...

Рига, 2019